

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ТЕНИ КАФЕ «ДОМИНО»

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Тени кафе «Домино»

«СОЮЗ»

2007

Хруцкий Э. А.

Тени кафе «Домино» / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
2007 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6050128-2-5

1922 год. Москва. В знаменитом кафе «Домино» на Тверской улице собирается самая разношерстная публика: артистический бомонд, поэты и художники, бандиты и бывшие уголовники, новоиспеченные «генералы» Гражданской войны, а так же сотрудники милиции и ОГПУ, которые внимательно наблюдают за всеми посетителями и собирают информацию, помогающую в раскрытии многих преступлений, совершенных в Москве. Не последнюю роль во всей этой криминальной истории играет главный герой романа — талантливый журналист Олег Леонидов, который удивительным образом каждый раз оказывается в самом центре разворачивающихся событий.

ISBN 978-5-6050128-2-5

© Хруцкий Э. А., 2007
© СОЮЗ, 2007

Содержание

Екатеринодар, сентябрь 1918 года. Тюрьма контрразведки	6
Ялта. Октябрь. 1922 г.	8
Москва. Октябрь. 1922 г.	11
Подпольный игорный дом	14
МЧК	16
Игорный дом	18
Игорный дом. Леонидов	19
Внутренняя тюрьма МЧК. Леонидов	20
МЧК	22
Олег Леонидов	24
Олег Леонидов. Редакция «Рабочей газеты»	25
МЧК	26
«Рабочая газета». Леонидов	28
Писатель Арнаутов	29
Кафе «Домино»	31
Письмо из прошлого. Олег Леонидов	33
Гостиница «Метрополь»	34
МЧК	35
Лапшин и «Баронесса»	37
Конспиративная квартира МЧК	38
Инспектор МУРа Георгий Тыльнер	39
Борька-Поэт. Он же Борис Новицкий	41
Квартира на Молчановке	42
Квартира Леонидова	45
Кафе «Домино»	49
Лапшин	55
Станция «Ожерелье»	57
Симферополь – Москва	60
Ярославль	62
Москва. Гостиница «Метрополь»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эдуард Хруцкий Тени кафе «Домино»

© Э. Хруцкий (наследники)
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
WWW.SOYUZ.RU

Екатеринодар, сентябрь 1918 года. Тюрьма контрразведки

Полковник Прилуков, начальник контрразведки добровольческой армии, шел по коридору тюрьмы.

Вытягивались в струнку унтер-офицеры надзиратели.

Тюремный коридор освещала большая керосиновая лампа, висевшая под потолком.

В ее свете тени причудливо ломались на стенах со смытой краской от лозунгов, щербатых от пуль.

– Где? – спросил Прилуков молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

– В седьмой, господин полковник.

Прилуков остановился у двери, на которой мелом была написана цифра семь.

– Открывай.

– Вы пойдете один, господин полковник? – забеспокоился прапорщик.

– Один, братец, мне Лапшина перед смертью исповедовать надо.

Полковник поднял полу кителя, расстегнул кобуру, вынул наган, протянул прапорщику.

– Береги, братец.

Дверь отворилась и Прилуков вошел в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек, выше среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом, и порванные полосатые брюки. Рубашка под визиткой запеклась от крови.

Прилуков сел на табуретку. Достал часы, щелкнул крышкой.

– Тебя, Лапшин расстреляют через час.

Прилуков бросил на стол пачку папирос и зажигалку, сделанную из патронной гильзы.

– Кури.

– Благодарствую.

Они закурили.

– Что же ты, братец Лапшин, бросил родную Москву и на юг подался?

Лапшин молчал. Только затягивался жадно.

– Молчишь? А я скажу. Ты точно рассчитал. Из Питера и Москвы сюда народец побежит.

И камушки да золото повезут. Так?

Лапшин бросил окурочек, зажег вторую папиросу.

– Перед смертью, братец Лапшин, не накуришься. Ты налетчик умный. Уголовный Иван.

С Нерченской каторги ноги сделал. Редко кому это удавалось. Было такое?

Лапшин кивнул.

– И здесь ты все правильно рассчитал. Ты людишек с камнями искать стал, марвихера, грека Андриади разрабатывать начал. А потом с подельничками, кстати, московскими жульманами Секой и Конем, навестил. Одного ты не знал, что поутру хитрый грек пустил на постой двух офицеров-алексеевцев. Они твоих дружков пристрелили, а тебя нам сдали.

– Обмишулился я, ваше благородие. Был грех, – мрачно ответил Лапшин.

– А ты меня не признал?

– Как не признать. Помню.

– Это хорошо. Ты тогда мне большую услугу оказал. Сдал пятерых социалистов, которые экс затеяли. Хотели контору Азовского банка на Мясницкой взять. Поэтому я хочу тебе шанс дать.

– Ну?

Лапшин напрягся.

- Если тебе, ваше благородие, кого-то порешить...
- У меня, братец Лапшин, в Доброармии убийц тысячи. Это же не война армий, а битва идеологий.
- Не пойму я, что-то тебя, ваше благородие.
- А тебе это не нужно. Ты понял, что сидишь в контрразведке?
- Сразу, как только сопляки ваши мне ребра сапогами считать начали. В сыскной к нам с уважением относились.
- У меня для тебя есть дело.
- Никак политика?
- А мне и не надо, чтобы ты политикой занимался и на митингах выступал. В Москву поедешь...

Лапшин насторожился.

– Да сядь ты, я тебя шпионить не стану заставлять. Будешь по профессии работать. Только одно: повезешь в Москву человека, представишь своим друзьям как налетчика ростовского.

- Он офицер?
- Именно. И ты этого скрывать не станешь. Был офицер, стал бандит. Нынче таких много.
- Так кровь же...
- На нем крови больше, чем на всех московских бандюгах.
- А мне что делать?
- Грабь, убивай, живи, одним словом.
- Деньги нужны.
- Будут. И не бумажки, а золото. Да добычу, то, что у грека взял, обратно получишь. Только вот...

Прилуков достал из кармана кителя бумажку и вечное перо.

– Подписывай.

Лапшин прочитал.

– Это вроде стукачком буду. Нет, так не пойдет...

Прилуков достал часы, шелкнул крышкой.

– Понял?

Лапшин подписал.

– Вот и поладили. Иначе я тебе деньги не смог бы дать. Тебя умоют, переоденут, накормят...

– Курева бы.

– Возьми мои папиросы. И с Богом, в Москву.

Прилуков вышел во двор тюрьмы.

По улице шла воинская часть.

Торжественно и звонко пели трубы марш «Под двуглавым орлом».

Пел на осенних улицах альт.

Это был голос победы, славы, надменности.

– А вдруг случится чудо? – сказал Прилуков.

– Не понял, господин полковник? – поинтересовался прапорщик.

– Потом поймете.

Ялта. Октябрь. 1922 г.

Ей приснилась музыка. Щемящая и нежная. Она мучительно напоминала о чем-то и Елена открыла глаза.

Теплый ветер, с моря, вздымал занавеску из белого тюля, и казалось, что в комнату входит женщина в прекрасном платье.

Она проснулась, а музыка продолжала звучать, наполняя комнату тихой грустью. Господи! Где она слышала эту мелодию? Где?

Елена встала, надела халат, вышла на балкон, и поняла, что мелодия доносится из открытых окон местного театра. И она узнала ее. В четырнадцатом году у Корша она играла Ирину в «Трех сестрах», и под этот вальс покидали город артиллеристы.

А после спектакля в «Яре» к их столу подошел высокий военный с узенькими серебряными погонами на щеголевском замшевом френче.

– Знакомьтесь, – вскочил антрепренер, – король сенсаций Олег Леонидов. Лучший журналист России, военный корреспондент.

– Ну так уж и лучший, – улыбнулся Леонидов, вот вы Антон Павловича сыграли поинтереснее, чем в Художественном.

Леонидов повернулся, поднял руку.

Из-за его спины появился лакей с огромной корзиной роз в руках.

Леонидов взял ее, поставил у ног Елены.

– Это вам, лучшей Ирине Москвы.

А сейчас опять эта музыка, только нет успеха и аплодисментов, и нет Москвы.

А есть Ялта, квартира, купленная Талдыкиным для съемок, заставленная мебелью, которую использовали как декораций.

Нет, конечно, она кривила душой, успех был. Киноателье Талдыкина сняло шесть лент. В каждом фильме, в главной роли Елена Иратова. Успех был невероятный.

Однажды после премьеры публика несла ее на руках до авто.

Платил ей Талдыкин щедро. Она не в чем не нуждалась, а от поклонников отбоя не было. Рестораны, дорогие подарки, ночные прогулки на авто.

Конечно, мешала эта жуткая война.

Иногда доносилось эхо канонады, рестораны, кофейни, кинотеатры были забиты военными всех чинов и рангов.

А когда подошли красные, Елена опоздала на пароход. Всех, даже осветителей Талдыкин увез за кордон.

А она осталась, слишком много дорогих вещей было у нее. Елена уложила все в семь чемоданов и ждала обещанное авто, которое так и не пришло.

Ушел последний пароход, а вместе с ним уплыла мечта о Париже, славе, мировых гастролях.

Однажды у базара, когда она, купив продукты, возвращалась домой, ее остановил шустрый человек в грязноватой толстовке.

– Вы, Иратова? – спросил он.

– Да.

– Вы не уехали?

– А куда мне уезжать, я русская актриса, моя родина здесь, улыбнулась одной из своих сценических улыбок, Елена.

– Это прекрасно, я корреспондент Крымской газеты, можно у вас взять интервью.

– Бога ради.

А через два дня на всех афишных тумбах Ялты была наклеена газета с ее портретом и огромным заголовком: «Я русская актриса. Моя родина здесь!».

Что началось после этого, словами не передать, с ней почтительно здоровались на улице.

Торговки на рынке, называли ее деточкой и отдавали товар за полцены совсем даром. Местные власти обеспечили ее пайком, оказывали всевозможные знаки внимания.

А однажды в дверь позвонили.

На пороге стоял кинописатель Витя Казаринов, режиссер Александр Разумнов и кинооператор Владимир Гибер.

Ей предложили главную роль в фильме снимали в Крыму и Москве.

Так снова началась блистательная, терпкая, киношная жизнь.

И в этот день, когда ее разбудила музыка, она вернулась со съемок и задремала на огромном кожаном диване...

Елена еще немного послушала музыку и пошла на кухню готовить кофе.

Хороший кофе достал ей администратор съемочной группы, сливки она купила на базаре, а мешок сахара наследство от Талдыкина.

Она поставила кофейник на керосинку.

Серебряный с тонкой резьбой на покрытую гарью керосинку.

Поставила и подумала, что это странное сооружение и покрытая гарью старая горелка символизирует сегодняшнюю невеселую жизнь.

Дорогое серебро символ разрушенного бытия и грязная, воняющая керосинка нынешнее существование.

Подумала и сама удивилась с чего она начала философствовать.

Елена взяла со столика пачку асмоловских, длинных дамских папирос.

Закурила.

Кофейник сердито загудел.

Лена бросила несколько ложек кофе. Кухню наполнил божественный запах.

Она взяла чашку тонкого фарфора, достала сахарницу...

В дверь постучали.

– Кто? – спросила Лена.

– Леночка, запах вашего кофе взбудоражил всю Ялту. Это я. Виктор Казаринов.

Лена открыла дверь.

На пороге стоял, как всегда элегантный кинописатель Виктор Казаринов.

– Не прогоните? – улыбнулся он.

– Даже кофе напою, радостно сказала Лена.

– Значит, мне повезло.

Казаринов вошел на кухню и Лена, в который раз, подивилась, как этот человек, не смотря на войну, разруху, голод умудряется оставаться таким элегантным.

Даже в самые проклятые московские дни, когда все страдали от холода и недоедания и люди маскировались под новых хозяев жизни, напяливая на себя грязные френчи и гимнастерки Виктор шил костюмы у хорошего портного. Отдавал золотые десятки за модные туфли.

Он и Олег Леонидов словно служили живым укором тем, кто постепенно начинал опускаться.

Лена прекрасно относилась к этому интересному милому человеку. Они были друзьями, неделя в Севастополе, когда они даже забывали поесть, увлекшись, друг другом, была приятным, не имевшей последствий эпизодом.

– Милая Леночка, я пришел проститься, – улыбнулся Казаринов.

– Как, почему?

– Уезжаю в Москву. Вызывает сам Луначарский, я должен написать какой-то очень важный для власти сценарий. Думаю, что условия будут весьма приличными.

– Дай тебе Бог, Витенька. Но мне все равно будет тебя не хватать.

– Леночка, но вы же скоро закончите съемки и через месяц поедите домой.

– А где дом мой... – усталым театральным голосом продекламировала Елена отрывок из пьесы Казаринова «Страсть».

– В Москве, Леночка, в Москве. Ваша героиня из «Трех сестер» стремилась туда, но Антон Павлович не написал, попала Ирина в Москву или нет. А вы попадете, к гадалке не ходи.

Они сели пить кофе.

– Витя, а почему вы не уехали? Не смогли?

– Нет, я мог уехать. Более того, работать на ОСВАГА тянули меня...

– А что это такое, – поинтересовалась Лена.

– Осведомительное Агентство Добровольческой армии.

– Осведомительное... Шпионом? – ахнула Лена.

– Нет это типа английского агентства «Рейтор». Это официальная журналистика. Официальная и одиозная. Но я решил остаться. Что я буду делать в Париже?

– Писать.

– Писать. В эмиграцию уплыли Бунин, Куприн, Алеша Толстой, Тэффи... Да я целый час могу перечислять фамилии лучших литераторов земли Русской, я им не конкурент. А потом здесь я известный кинописатель и неплохой биллетрист, а там – эмигрант.

Казаринов посмотрел на задумавшуюся Лену, и продолжал: «Наше место здесь. Бог даст все наладится. Объявили же большевики НЭП».

– Витя пейте кофе, а я пойду, напишу письмо.

– Леонидову?

– Да.

– Передам с огромным удовольствием.

Лена вернулась через минут двадцать.

– Вот, – протянула она конверт.

– Так быстро?

– Нет, Виктор, долго, долго. Я написала ему письмо, наговаривала их, а теперь, кое-что изложила на бумаге.

– Леночка, спасибо за кофе. По секрету скажу вам, что нашему кинообозу, по приказу из Москвы, выделили два салон вагона, так, что поедете, как положено.

– А вы?

– У меня купе, со мной едет администратор и везет пленку в проявку.

– Значит, поедете со всеми удобствами.

– Вроде того.

Они обнялись.

Лена вышла на балкон и смотрела в след Казаринову.

И странная мысль внезапно мелькнула, а ведь с ним можно было бы устроить жизнь. Он более предсказуемый, чем Леонидов. Более предсказуемый и менее твердый.

У поворота улицы Казаринов оглянулся и послал Лене воздушный поцелуй. Она замахала руками.

Ах, все-таки зря она его отпустила.

Москва. Октябрь. 1922 г.

Четыре года Москва жила замерзшей и темной.

Четыре года голодал веселый московский обыватель, привыкший к шуму вечернего самовара, хрусту калачей, медовой сладости пряников.

И вдруг случилось невероятное. Большевики, собравшиеся на десятый съезд, объявили о «Новой экономической политике». Начитавшиеся за годы революции и Гражданской войны, всевозможных декретов, московские жители поначалу не поняли, чем это им грозит.

Привыкшие к тому, что любой декрет новый власти был направлен на разорение жителей, многие в испуге притихли. Но не все. Откуда взялись эти лихие люди? Как сумели они сберечь состояние, после бесконечного чекистского «Лечения от золотухи», одному Богу известно.

Но вынули золотые червонцы и камушки из закровов и пустили их в дело.

В момент как грибы после дождя, появились котлетные, пельменные, пивные, пекарни, булочные, рестораны магазины.

И уже московский обыватель мог купить теплую сайку или бублик к вечернему чаю, побаловать себя конфетами. Правда, стоило это весьма прилично.

Трамвай «А» нутужно поднимался от Сретенки к Мясницкой.

В вагоне было полутемно.

Половина стекол выбита и окна заделаны фанерой.

– А когда-то это «серебряной линией» называлось, – тяжело вздохнул человек в синей обтрепанной чиновничьей шинели и фуражке со следами знака на околыше и кокарды на тулье.

– Мало ли, что когда-то было.

Ответила ему бывшая дама в вытертой бархатной шубке, прижимавшая к животу огромную корзину, плотно закрытую тряпкой.

– «Серебряная», – передразнил сидевший в углу мужик в темной куртке и старой гимназической фуражке.

– Буржуйские воспоминания. Вот вы товарищ... – повернулся он к соседу.

Оглядел его критически.

На скамейке сидел человек лет тридцати, гладко выбритый, в старорежимном пальто в мелкую клеточку и пушистой серой кепке.

– Я готов на медной линии ездить. Только чтобы вагоны всегда ходили, свет горел и окна вставлены были.

– Ишь ты, – зло заметил человек в куртке, – как при старом режиме хотите.

Трамвай внезапно остановился и заскользил назад.

Кондуктор бросился на площадку и начал крутить колесо тормоза.

С грохотом отодвинулась дверь, высунулась голова вагоновожатого.

– Все, приехали, линия обесточена. Так что, господа, граждане, товарищи, придется вам дальше пешком шагать. Кому далеко, идите вдоль пути, как ток дадут, я вас догоню.

– Безобразие!

– Когда ж это кончится!

– Нет в Москве порядка!

Пассажиры начали покидать трамвай.

– А при старом режиме, милейший, – сказал человек в кепке соседу, – такого не было. Значит надо у него заимствовать все хорошее.

– Ты пропаганды оставь. Мы, рабочие, этого не любим.

– Не любишь, шагай пешком.

У дома страхового общества «Россия» человека в кепке остановил милицейский патруль.

Три человека в серых шинелях и синих каскетках.

Двое с драгунскими карабинами. Старший с наганом на поясе.
Рядом болтался придурок в гимназической фуражке.

– Ваши документы, гражданин.

Человек в кепке вынул из кармана небольшую коричневую книжку.

– «Рабочая газета»... Леонидов Олег Алексеевич, заведующий московским отделом. Так, в чем дело, товарищ Леонидов?

– Я пытался этому гражданину разъяснить смысл ленинских слов, что, строя новый мир, необходимо брать все лучшее от старого. И если бы такие, как этот бдительный товарищ поняли ленинские мысли, трамвай не остановился бы на полдороги. Я прав?

– Конечно. Можете идти, товарищ Леонидов, мы ваши заметки про всякое головотяпство с удовольствием читаем.

– Спасибо, товарищи.

Олег Леонидов зашагал в сторону бульвара.

Он перешел улицу, свернул на Чистопрудный бульвар.

Осень. Скупая московская осень хозяйничала здесь.

Под ногами шуршали листья, которые уже давно никто не убирал.

Слабый ветерок тянул их по аллеям.

Леонидов остановился.

Закурил.

Ветер сбивал с деревьев остатки листьев и они медленно кружили в воздухе, как немецкие аэропланы «Таубе».

Леонидов поймал один лист.

Растер его на ладони, понюхал.

Господи! Как это давно было, всего шесть лет прошло, а кажется целая вечность.

На Чистопрудном бульваре горели дуговые фонари, играл военный оркестр. Налетел ветер, закружились падающие листья.

Леонидов поймал один, растер, понюхал.

Лист пах горечью увядания.

– Чем пахнет, – засмеялась Елена.

– Увяданием.

– На то и осень.

– Ты права.

На них оборачивались. Замечательная пара. Молодая, но уже знакомая по экрану и сцене артистка Елена Иратова в голубом пальто, отороченным белым мехом и модный журналист в полувойенной форме «Союза городов», бесстрашный военный корреспондент. Так о нем писали в журнале «Нива».

В эту позднюю, но ясную осень, настоящую московскую. Когда дворы и переулки горели пожаром увядающей листвы, на Олега Леонидова, словно волна наплыла любовь.

А главное, что чувство это было взаимным. Они были молоды, красивы и счастливы. Да и удача развернула над ними свои сияющие крылья.

Это был самый счастливый октябрь в его жизни. Самая счастливая осень.

Как же давно это было. В другой жизни, в другой стране.

Леонидов закурил.

Сумерки спустились на город.

Пора. Нужно сегодня обязательно выиграть. Деньги нужны.

И снова пошел сквозь московскую осень.

Он ушел с бульвара, свернул в Телеграфный переулок, потом в проходной двор.

Типичный московский двор. С голодными котами да дикой грязью помоек.

Прошагал по нему и вошел в Банковский переулок.

Он зашел в подъезд некогда доходного дома, поднялся на второй этаж.

На лестнице, чуть выше появились две тени.

Двое в шинелях подошли к Леонидову.

Один щелкнул зажигалкой.

– А, господин репортер. Просим, просим, сегодня игра крупная. Писатель Арнаутков серьезно играет.

Человек в шинели достал ключ и отпер дверь.

Подпольный игорный дом

В коридоре было относительно светло. Горели четыре керосиновые лампы трехлинейки. Навстречу гостю вышел хозяин заведения Лапшин.

– Здравствуйте, Олег Алексеевич.

– Здравствуйте, любезный господин Метельников.

– Ну, зачем же так официально. Прошу. Раздеваться не надо, у нас прохладно.

В углу красовалась буфетная стойка.

– Чем порадуете, Сергей Петрович?

– Колбаску привезли домашнюю из Талдома, сало копченое, морс клюквенный.

– И все? – удивился Леонидов.

– Его величество спирт. На рынке бутылка 12 тысяч рублей. А я достаю со склада по восемь.

Они подошли к буфету.

– Андрей, дорогому гостю клюковочки и бутерброд с колбаской...

– И огурчик, – Леонидов взял лафитник, – ваше здоровье.

Он выпил спирт, разведенный клюквенным морсом.

Крепка была клюковка.

Леонидов закрутил головой, зажевал огурцом.

Дожевывая бутерброд, спросил:

Что с меня?

– За счет заведения, – добро улыбнулся Лапшин-Метельников.

Он стоял рядом, во фраке с атласными отворотами, в галстук-бабочке.

Волосы расчесаны на прямой пробор, только шрам на щеке напоминал о прошлом.

– Спасибо, Сергей Петрович.

– Как же, как же, мы порядок знаем, господа из сыскной и репортеры – наши дорогие гости. Слава Богу, что сыскари к нам не навешиваются.

Лапшин давно знал Леонидова. Еще с тех золотых времен, когда был в банде «Корейца».

К Леонидову все питерские и московские громилы относились с большим уважением. Дима «Кореец», человек никому не верящий, тайно встречался с репортером и делился с ним информацией. Потом они читали статьи Леонидова и дивились собственной лихости.

Лапшин знал, что Леонидов прекрасно осведомлен о том, что он был в банде Сабана. Почти о всех делах этой банды знает, но никогда, хотя имеет тесную связь с сыскарями, словом не обмолвился о людях, снабжающих его информацией из уголовного мира.

Вот и сегодня здороваясь, называя фамилию Метельников, журналист, чуть улыбнулся.

Если Леонидов пришел играть, значит, он ничего не слышал тревожного. Никто не хочет попасть к чекистам на подпольной мельнице.

Видимо пока тишина. Но Лапшин был человеком тертым и знал, что тишина весьма обманчива. Пора, пора закрывать дело. Вложить советские деньги в золото и камни и рвануть в Финляндию.

В Питере у него были надежные люди, для которых пересечь границу дело плевое.

Пора.

Но жадность, которая губит фраеров и его могла не пожалеть.

Жалко, уж больно хорошо дела пошли.

Проходя в комнату, где шла игра, Леонидов посмотрел в окно.

Темно.

Только слабые точки огоньков.

Москва во тьме.

В комнате Олег подошел к кассиру-артельщику, сделал вступительный взнос.

– За каким столиком польский банчок?

– За вторым, Олег Алексеевич. Сегодня день игровой, карта не лошадь – к утру повезет.

Олег осмотрел зал и увидел всклокоченную голову Арнаутова. Там играли в баккара.

На столе высилась куча денег.

Леонидов подошел к столу.

Банкомет во френче, но с галстуком-бабочкой, метал талию.

Карты летали над столом.

Вот туз лег рядом с игроком.

– Банк, – радостно крикнул он и потащил к себе кучу бумажных денег.

Леонидов сел за стол, достал деньги.

– Ставка – пятьдесят косых, – объявил банкомет.

На стол легли деньги.

Банкомет пересчитал их, отложил несколько купюр.

– Десять процентов в счет заведения.

Он разбросал карты.

Леонидову досталась семерка.

Банкомет кинул первую карту ему.

Семерка.

– Банк, – сказал Леонидов и потянул к себе деньги.

МЧК

Начальник уголовного отдела МЧК Мартынов оглядел сотрудников.

– Сегодня, на мельнице в Банковском переулке, будут играть Савося и Ленчик. Через два часа, что б все были готовы, нужно их свинтить. Понятно?

Мартынов встал, поправил гимнастерку.

Он был высок, тонок в талии.

– А теперь, товарищи, я хочу вас познакомить с новым сотрудником. Александр Иванович Николаев.

Сидевший в углу человек в пиджачной паре поднялся, наклонил голову.

– Товарищ Николаев прикомандирован к нам от Уголовно-розыскной милиции. Он крупнейший специалист по московским жиганам.

– У меня вопрос к товарищу Николаеву, – вскочил со стула чекист в фасонистом френче и кавалерийских галифе с леями.

– Слушаю вас.

Николаев вежливо наклонил голову.

– Вы при старом режиме в полиции служили?

– Точно так. Был чиновником для поручений Московской сыскной полиции. Имел чин надворного советника.

– Леша, – Мартынов поднял руку, – Александр Иванович один из лучших криминалистов России.

– А царские ордена имели? – не унимался Леша.

– Безусловно. Даже золотые часы из императорской канцелярии.

– Покажи, Александр Иванович, – попросил один из чекистов.

– Увы, не могу, в прошлом году обменял их на спирт и крупу.

Все захохотали.

– Если вопросов больше нет, – продолжал Николаев, – я хотел бы сделать сообщение.

Он посмотрел на Мартынова. Тот кивнул головой.

– Товарищи...

Николаев на секунду запнулся.

– Давай, давай, Александр Иванович, – подбодрил его Мартынов, – понимаю, с непривычки.

– Товарищи, – продолжал Николаев, – по поручению Федора Яковлевича я отработал мельницу. Держит ее Сергей Петрович Метельников. Это по документам.

Я заслал туда своего агента и тот выяснил, что Метельников на самом деле – Лапшин Афанасий Петрович. Кличка Афоня Нерчинский, один из самых авторитетных Иванов уголовного мира Москвы.

– А почему у него такая кличка?

– В 1913 году я с коллегами из Питера занимался бандой Корейца. Если кому интересно, я потом расскажу. Банду мы взяли. Корейцу присяжные отмерили казнь через повешение, а Лапшину отгрузили двадцать лет каторги. Отправили в Нерчинск. А он через год сбежал.

– Орел, – засмеялся один из чекистов.

– В девятнадцатом году, – продолжал Николаев, – мы разгромили банду Сабана. Разработку по Сабану вел я и выяснил, что Лапшин – один из активных участников банды. Но ему удалось уйти. От налетов отошел и открыл подпольную мельницу. Поэтому прошу Лапшина взять живым. У меня на него есть виды.

– А вы с нами пойдете?

– Обязательно.

– Все, – скомандовал Мартынов, – час на отдых и проверку оружия. Собираемся в дежурке.

Все вышли из кабинета.

– Александр Иванович, мы сейчас с вами знатного чайку попьем. Только я кого-нибудь за кипятком пошлю.

Чекист в ладном френче и кавалерийских галифе зашел в пустой кабинет, поднял трубку телефона.

– Барышня, 22–15 прошу.

К Лапшину подошел буфетчик.

Аппарат звонит, хозяин.

Лапшин вошел в комнату, поднял трубку.

– Да.

Дядя Семен, – сказал чекист, – через два часа вам харчи привезут.

Он положил трубку. Взял с окна битый эмалированный чайник и вышел из кабинета.

Игорный дом

Лапшин подошел к артельщику.

– Много собрали?

– Фунта два бумаги, – засмеялся тот.

– Давай.

Лапшин взял деньги.

Он ключом открыл дверь.

Вошел в комнату. Зажег свечу.

Достал из шкафа потертый чемодан. Открыл его.

Аккуратно перевязанные пачки денег занимали половину чемодана.

Лапшин снял лакированные штиблеты, положил в чемодан. Натянул на полосатые брюки сапоги.

Поднял половицу, вытащил мешок, открыл его.

В свете свечи тускло заиграли камни и золото.

Он разложил все в чемодан. Замотал шею шарфом. Натянул солдатскую шинель.

На голову нахлобучил потрепанную фуражку. Вынул из кармана кольт, проверил.

Все. Прощай Банковский переулок.

Он нажал плечом и обои поддались. Сквозь дыру вышел на черный ход.

Открыл окно. Внизу, совсем рядом была крыша флигеля.

Лапшин перекрестился. Кинул вниз чемодан.

Прислушался.

Потом прыгнул сам.

Из дверей флигеля вышел незаметный человек в потертой шинели, огляделся и скрылся в лабиринтах проходного двора.

Игорный дом. Леонидов

Над столом летали карты.

В третий раз удача пришла к Леонидову.

На этот раз он сорвал банк на трефовом валете.

– Везет вам, господин репортер, – завистливо сказал ему сосед, по всему видно бывший офицер.

– Мой день нынче, – засмеялся Леонидов.

– Прервем игру, – поднял руку банкомет, – кто хочет, может пройти в буфет.

– Замечательно, – Леонидов аккуратно сложил деньги. Их было много. Около трех миллионов, – Я пойду побалуюсь клюковкой. Кто со мной?

– Будем играть, – злобно сказал человек в купеческой поддевке, – нельзя игру бросать. Фарт уйдет.

– А где твой фарт, Леха, – засмеялся банкомет.

Леха расстегнул поддевку. Достал из-под рубашки пачку денег.

– Ставлю двести тысяч. Кто ответит? Вы, господин репортер?

– Пока, нет, – пойду в буфетную.

Леонидов подошел к стойке.

– Налей-ка мне, Андрюша, клюковочки. Нет, не в лафитник... в стакан.

– С фартом вас, Олег Алексеевич. Привезла карта.

– Немного есть.

– Ну, дай вам Бог. Радуюсь я, когда хорошие господа выигрывают.

Буфетчик налил полстакана клюковки, положил на ржаную краюху шмат сала, а сверху – здоровый кусок колбасы.

– А огурчик?

– Не беспокойтесь, вот он.

Леонидов медленно выцедил огненную воду, заел огурцом.

И в это время вылетела дверь.

В квартиру ворвались люди в кожанках.

Кто-то выстрелил в потолок. Посыпалась штукатурка.

Буфетчик Андрей спрятался за шкаф.

– Всем оставаться на местах! ЧК!

Леонидов спокойно жевал бутерброд.

Какой-то человек толкнул его стволом маузера.

– Руки!

– Дай доесть.

– Руки подними, гад!

Леонидов дожевдал бутерброд и поднял руки.

Внутренняя тюрьма МЧК. Леонидов

Когда-то эта комната, наверно, была залом для танцев. Теперь МЧК использовал ее как КПЗ.

На полу, по стенкам сидели арестованные игроки.

– Представьте себе, господа, в тот вечер у меня была необыкновенная пруха, – горестно сообщил человек в пальто с бархатным воротником.

– И сколько угадал?

– Пять лимонов.

Вот на них и погуляют пролетарии всех стран.

– Это точно.

Рядом с Леонидовым сидел писатель Арнаутов.

Он поднял воротник потертого пальто, руки засунул в рукава.

– Павел Степанович, – спросил Леонидов, – ну, я по репортерской надобности, а вас, как сюда занесло?

– Ветром... ветром... мой друг. Ветром нищеты.

– Но вас вся страна знает. В Европе ваши книги печатают...

– Печатали, Олег Алексеевич, печатали. А сейчас – жалкий паек. А у меня жена... Вы ее знаете. Актриса. На театре копейки получает. Правда, иногда продукты на концертах дают. Вот я продал половину библиотеки... плакал, с книгами расставаясь... Пошел на рынок, за две с половиной тысячи купил фунт сливочного масла, за полторы – три фунта перловки, табака на тысячу... а на остальные решил рискнуть.

– Ну и как?

– Семь миллионов взял, а тут ЧК. Плакали мои деньги. Да разве в них дело... Жизнь пошла под откос.

– Полноте, Павел Степанович, вашими книгами зачитываются и по сей день.

– Бежать отсюда надо, Олег Алексеевич, бежать.

– Куда?

– В Гельсинфорс... Ревель... Ригу... куда быстрее.

Со скрипом отворялась дверь и чекист в коже вызывал задержанных.

Арнаутов заснул, странно завалившись боком.

Леонидов прислонился к стене, вытянул ноги.

– Хорошие у вас ботиночки, господин репортер, – раздался голос из темного угла, – Английские на двойной спиртовой подошве. Не уступите?

– Нет.

– Я могу дать хорошую цену.

– Ты сначала выйди отсюда, – засмеялся банкомет, – отсюда вполне можно в гараж попасть, а там обувка ни к чему.

– И то верно, – прокашлял кто-то.

– Вы считаете, что нас могут расстрелять? – раздался в темноте дрожащий голос.

– Натурально.

– Но это же произвол!

– О чем вы говорите, батенька, – человек в офицерском кителе встал, потянулся хрустко, – нынче жизнь человеческая – миф, химера, одним словом.

– Запомните, – Арнаутов проснулся, – поэт сказал: мы дети страшных дней России...

– Господин сочинитель, кажется? – человек в офицерском кителе подошел к Арнаутову, – смотрел, смотрел я ваши пьески. Как сейчас помню в летнем театре Царского села ставили

«Алмазные окна», проблемы пола, декаданс. Как же. Что же теперь вы не пишете для театра? Ваша пьеса «Узник совести» весьма потретила либеральной публике.

Вот вы и получили свой социализм. Ночь в танцевальном зале...

Со скрипом отворилась дверь и чекист в коже крикнул:

– Нелюбов!

– Я, – по-строевому четко ответил офицер.

Он застегнул крючки кителя, поднял с пола шинель, надел, надвинул чуть набекрень выцветшую полевую фуражку.

– Честь имею, господа. А вы, дорогой сочинитель, напишите новую пьесу «Ночь в ЧК».

И опять потянулось время.

– Господа, спросил кто-то из темноты, – ни у кого случайно не осталось часов?

– Товарищи все, как есть, изъяли...

– Так который же час?

– Вот как лампу в коридоре погасят, считай утро.

– Утро стрелецкой казни, – пробурчал Арнаут, – вы, Леонидов, необычайно спокойны.

Как это понимать?

– А так и понимайте, я в Гуля-поле у махновцев неделю расстрела ждал, да мало ли куда еще я попадал. Работа у меня такая.

– Какая же? – ехидно спросил Арнаут.

– Видеть все собственными глазами. А теперь, простите, я попробую заснуть.

Леонидов закрыл глаза.

...И словно исчез бывший танцевальный зал. Загорелись фонарики в листве, их словно раскачивала мелодия вальса.

Ах, сад «Эрмитаж».

Полуосвещенные аллеи. Женский смех, волнующий и нежный.

И себя он увидел в форме «Союза Городов», с новенькой шашкой и звонкими шпорами на сапогах.

Военный корреспондент Леонидов спешит с букетом цветов к Летнему театру на свидание.

А над парком горит электрическая надпись «1915».

– Леонидов! Кто здесь Леонидов?

Арнаут толкнул его в плечо:

– Вставайте, ангел смерти за вами.

– Я Леонидов.

Олег встал, потянулся.

– Ты что, заснул, давай на выход.

МЧК

Коридор длинный, покрашенный нелепой розовой краской.
Он шел по этому коридору, а за ним чекист с рукой на кобуре.

– Стой! К стене.

Он повернулся и увидел написанные, полустертые стишки:

«Как хорошо в краю родном...

Чекист открыл дверь.

– Арестованный доставлен.

– Заводи.

– Пошел в комнату.

В комнате было светло.

Леонидов даже зажмурился на мгновение.

Первый, кого он увидел, был чиновник сыскной полиции Николаев.

– Александр Иванович, – Леонидов протянул руку, – гора с горой. Так, что ли?

– Душевно рад вас видеть, Олег Алексеевич, душевно рад.

– А меня вы не узнаете?

Из-за стола поднялся красивый молодой человек. Черноволосый, с веселыми светлыми глазами.

– Как же, как же, – Леонидов поклонился, – начальник уголовной секции МЧК товарищ Мартынов. Здравствуйте.

– Приветствую короля сенсаций в нашем скромном учреждении.

Мартынов протянул руку.

– Вот и встретились, – продолжал он, – ваша статья в питерской «Красной газете» очень в прошлом году помогла нам. Своевременная статья, даже очень. К столу присаживайтесь.

Леонидов сел.

На столе были аккуратно разложены: толстая пачка денег, наручные часы, с решеткой, закрывающей стекло циферблата, серебряный портсигар, на крышке которого лошадиная голова и стек, записная книжка в потертom кожаном переплете, карандаш в серебряном футляре, удостоверение «Рабочей газеты», щеголеватый бумажник из крокодиловой кожи, зажигалка из ружейной гильзы, кастет.

– Ваши вещи? – спросил Мартынов.

– Именно так.

– И деньги ваши?

– Естественно.

– Сколько?

– Что-то три миллиона с мелочью. Точнее сказать не смогу, очень клюковка и колбаса понравились.

– Как же так. Денежки счет любят.

– Это милейший Федор Яковлевич, у купцов так, они счет любят. А наш брат любит тратить не считая.

Николаев рассмеялся.

– Истинная правда. Наслышан о ваших загулах в «Эрмитаже» и «Метрополе».

– Все было, нынче это как сон...

– А теперь вы решили на подпольных мельницах счастье словить? – поинтересовался Мартынов.

– Дорогой Федор Яковлевич, меня взяли не за столом, а у буфетной стойки, я там пытал счастья. А постановления об азартных играх не нарушал.

– Что правда, то правда, – вмешался Николаев, – я первый вошел, а он бутерброд доедал.
– И зачем же вас на мельницу потянуло? – не унимался Мартынов.
– Когда-то я написал книгу «Петербургские хулиганы», потом Александр Иванович помог мне книжку сделать о кобурщиках.

– О ком? – удивился Мартынов.
– Это такие варшавские жиганы, которые стены хранилищ кобуром пробивали.
– Вспомнил, спасибо. Так причем здесь «мельница»?
– Хочу написать о подпольных игорных домах, кстати здесь мой портсигар, хочу взять папиросу.

– Да забирайте все, только скажите, вы хозяина мельницы давно знаете?
– Сергея Петровича? – Леонидов закурил со вкусом, – Метельникова?
– Именно, – прищурился Мартынов.
– Вижу второй раз. Только когда я писал о банде Корейца, кажется мне, что я его дагер-ротип видел.

– Профессиональную память не пропьешь, даже клюковкой, – обрадовался Мартынов. – Кстати, Олег Алексеевич, зачем вам кастет? Помню вы английским боксом увлекались.

– Был чемпионом Петербурга, – вмешался Николаев, – в Москве в шестнадцатом году в Сокольниках первенство России выиграл.

– Вот для этого и ношу кастет, чтобы раз садануть и готов.
– А приходилось?
– Пока Бог миловал.
– Я хочу совет дать, если позволите.
– Конечно.
– Пусть Олег Алексеевич для сотрудников лекцию прочтет о старых делах. Он много знает.

В это время вошел человек среднего роста.

Мартынов и Николаев встали.

– Я – Манцев, начальник МЧК.

Леонидов сказал:

– Насчет лекций надо поторговаться.

– Что? – удивился Манцев.

Я вам лекцию, а вы мне материал, которого ни у кого нет.

– Ладно. Вы видели, какое безобразие происходит с трамваями?

– Сам вчера не доехал до места.

– Вы думаете это диверсии, саботаж? Нет, на электроподстанции, обеспечивающей током трамвайные пути, группа жуликов требовала от трамвайщиков мзду за электричество. Требовали спирт, табак.

– Вы дадите мне этот материал?

– Конечно, – Манцев достал из кармана пиджака сложенный вдвое лист бумаги, – Здесь фамилии и должности.

– А я могу их увидеть прямо сейчас, чтобы успеть дать статью в номер.

– Да.

Олег Леонидов

Часовой открыл дверь.

Ее давно не смазывали, и она противно скрипела.

– Проходи, – сказал он.

Леонидов вышел на Большую Лубянку. Постоял. Глубоко вздохнул по-осеннему сыр-
ватый воздух свободы.

Достал портсигар, закурил.

Ему повезло, мимо ехал извозчик в помятой пролетке.

– Стой, борода.

Леонидов запрыгнул в пролетку.

– Куда, барин?

– Дом печати знаешь?

– А как же, бывший особняк Ларионова.

– Давай туда.

– Двести рубликов, барин, без запросу.

– Давай, грабь меня, пролетарий.

Лошадка у извозчика было кормленая. Бежала весело.

Проплывала мимо Москва.

Убогая. Неприбранная.

Только осень красила ее. Багряно-желтым был город.

Но уже появились еще не яркие, но весьма завлекательные вывески: «парикмахерская.
Варшавский шик», «Галантерейные товары. Мануфактура и одежда Киреянова», столовая
«Встреча друзей», «Ювелирные изделия».

Начинал жить город.

У входа в редакцию Леонидов, рассчитавшись, спрыгнул из пролетки.

Олег Леонидов. Редакция «Рабочей газеты»

Коридор редакции словно плавал в тумане.

Дым от печек-буржеек просачивался из кабинетов.

– Олег, здорово, тебя главный редактор спрашивал, – бросил на ходу пробежавший сотрудник.

Одна из дверей отворилась.

– Олег Алексеевич, – выглянула в коридор хорошенькая дама в тулупчике, наброшенном на плечи. – Жалование получите.

Леонидов вошел в большую нелепую комнату бухгалтерии.

– Вот ведомость, – дама с обожанием смотрела на него, – сто десять рублей вычли за паек, со скидкой.

– А какой паек, прелестная Анна Самойловна?

– Хороший, даже очень: три с половиной фунта сахара, пять коробок спичек, два фунта соли, полфунта табака, полфунта мыла, полфунта кофе и четырнадцать фунтов ржаной муки. Правда, кофе третьего сорта. Но, Олег Алексеевич, по ценам сухаревского рынка около пятнадцати тысяч. Я все ваше запаковала в две сумки.

– Как здоровье вашей матушки, Анна Самойловна?

– По всякому, часто вспоминает всех вас.

– В газете у Благова она была нашим добрым гением. Вы, пожалуйста, возьмите мой кофе для нее. Она по-прежнему любит его?

– К сожалению, врачи не рекомендуют, считают, что именно от этого умирают. Мне так неловко...

– Да перестаньте...

Леонидов не договорил, в комнату вошел главный редактор.

Огромный, громогласный человек в военном кителе, кавалерийских галифе и желтых шевровых сапогах с ремешками.

– Так, товарищ Леонидов, найти вас можно только у кассы.

– Закон репортера – поближе к кассе, подальше от начальства.

– Что это с вами Леонидов? Мятый, небритый, не узнаю вас.

– Я ночь провел в ЧК.

– Где? – ахнул главный.

– В ЧК. И принес сенсационный материал. Сейчас мне в кабинет принесут чай и что-нибудь пожевать, и мы откроем номер сенсацией. Вставим фитиль «Правде», «Известиям», «Бедноте». Всем! Всем! Всем!

– Сколько вам нужно места? – занервничал редактор.

– Нижний фельетон на первой полосе.

МЧК

Николаев ушел, Мартынов и Манцев остались вдвоем.

– Что скажешь, Федор, о ночной операции?

– Все срослось, взяли двух вреднейших бандитов и так, по мелочи.

– Я слышал вы взяли писателя Арнаутова?

– Сидит милок.

– Что он там делал?

– А что делают в игорном доме? Картинки бросал.

– Удачно?

– Судя по изъятим у него деньгам, весьма.

А может это были его деньги?

Откуда? Семь лимонов. Нет, ему карта привезла.

– Но он же мог проиграться, – Манцев взял пачку денег, провел по ней большим пальцем.

– Верно. А Николаев мне шепнул, что Арнаутов еще студентом зарабатывал деньги игрой, ездил даже на нижегородскую ярмарку, чесал купцов на волжских пароходах. Вот теперь за старое взялся от бедности.

– Арнаутов написал прошение, просит отпустить его в Ригу, там в русском издательстве готовят его собрание сочинений, – задумчиво сказал Манцев, – большой писатель, а мы пока не можем привлечь литераторов к подлинно революционной работе. Я поручил Рослевой заняться им.

– Василий Васильевич, он же не враг. Он уехал из Пятигорска после того, как туда вошли добровольцы. С сытого юга три месяца пробирался в голодную Москву.

– Ты читал его последний роман?

– Время мало для чтения, но «Столп огненный» осилил.

– Как он тебе?

– Мне понравился.

Дверь отворилась без стука.

Вошла начальник отдела МЧК Рослева.

– Здравствуйте, товарищи.

– И тебе не болей, товарищ Рослева, – с нескрываемой неприязнью ответил Мартынов.

– Товарищ Мартынов, мне стало известно, что вы сегодня отпустили царского офицера.

– Вот это номер, – удивился Мартынов, – кого же это?

Рослева положила на стол фотографию.

Мартынов взглянул, рассмеялся.

– Это же Леонидов. Журналист. Видишь, погончики у него узкие, серебряные, просвет зигзагом. Звездочка. Это форма Союза Городов, организации гражданской, ее носили все военные корреспонденты.

– Не знаю, кем был на фронте Леонидов, но погоны он носил не солдатские.

– Такие же были у товарища Фрунзе...

– Товарищ Рослева, – сказал Манцев, – Леонидов действительно носил погоны. Он год отсидел с солдатами в окопах. Ходил в ночной поиск, вынес раненого солдата. Сам Брусилов распорядился наградить его солдатским Георгием четвертой степени. Его ранили. Он написал книгу «В окопах», за которую и был с фронта изгнан.

– Товарищи, – Рослева открыла портфель, – вот.

Она положила на стол книгу в рыхлом картонном переплете.

Мартынов взял ее, прочел вслух.

– Олег Леонидов. «В стане батьки Махно». Ну и что?

– Автор пишет о том, как он неделю ждал расстрела, а потом бежал вместе с деникинскими офицерами.

– Ну и что? – повысил голос Манцев, – я ночью прочел эту книгу. Хорошее сочинение, нужное, разоблачающее преступную сущность анархической вольницы. Кстати, кроме офицеров-добровольцев с ним бежали три красных командира. Парадокс – люди разных идеологий объединились, спасая себя, и разошлись. Не вижу ничего страшного.

– От вас я не ожидала, товарищ Манцев, Леонидов, постоянно посещающий кафе «Домино»...

– На Тверской 18, – пояснил Мартынов, – на первом этаже это развеселое кафе, на втором – психлечебница. Очень удобно. В кафе постоянно работают мои люди. Туда, как комары на свет, слетаются бандиты, спекулянты, золотишники.

– Там собираются творцы. Их настроение мы должны знать. Понял Мартынов?

– Василий Васильевич, мои секретные сотрудники – люди специфические, они книг не читают, по театрам не ходят, в лучшем случае в кинематограф заглянут. Я на них такое дело повесить не могу. Да и сами поймите, в Москве активизировался уголовный элемент. Цены на Сухаревке ломовые. Знаете, как говорят – кесарю – кесарево, слесарю – слесарево. Пусть уж товарищ Рослева своих людей туда внедряет, только, чтобы моим не мешали.

«Рабочая газета». Леонидов

Машинистка принесла последнюю отпечатанную страницу.

– Лихо. Как всегда лихо.

– Вам понравилось?

– Конечно.

– Вот и прекрасно.

Леонидов прочел страницу, расписался и пошел к главному.

Вошел, положил на стол статью.

– Читайте, а я пойду побреюсь.

– Давно пора, а то вы напоминаете каторжанина.

– Спасибо.

Редакционный парикмахер Степан брил и стриг всю богемную Москву.

– Здесь я при жаловании и пайке, чуть подбородочек поднимите... Вот так. Приходят люди, сколько дадут – спасибо, а в заведении постричься и побриться – столярник, а если с парфюмом, то два.

Он критически оглядел Леонидова.

– Вчера приходил Маяковский. Он, правда, хороший поэт?

– Угу, – промычал Леонидов.

– Не верю. Помните, когда мы работали у Благова, я стриг и брил перед концертом в «Эрмитаже» Игоря Северянина. Вот это поэт. Фрак, рубликов семьдесят по тем ценам, цветок в петлице... Давайте я вам помою голову...

Через несколько минут из зеркала на Леонидова глядело вполне приличное лицо.

– Спасибо, я молод и прекрасен.

– Хотите чуть, саму малость довоенного одеколona.

– Спасибо, это будет слишком буржуазно.

Леонидов вынул деньги, положил на столик.

– Зачем, Олег Алексеевич...

– Затем.

Главный сидел в расстегнутом кителе и пил чай.

– Садись. Прочел. Класс. Уже набирают. Есть две новости, плохая и хорошая. С какой начать?

– С хорошей.

– За этот материал я премирую тебя ордером на дрова.

– Мерси. Плохая?

– Вышла твоя книжка «В стане батьки Махно» и она очень не понравилась Бухарину, он готовит тебе отлуп в «Правде».

– А кому понравилась?

– Как мне сказали, Дзержинскому и Луначарскому.

– Это два козыря, а Бухарин так, валет.

– Валет-то валет, но злопамятный. Сейчас, – главный налил чаю Леонидову, – курьер привезет тебе экземпляры, а ты иди в типографию, вычитывай гранки.

Писатель Арнаут

Арнаут вошел в квартиру.

Снял пальто и шляпу в прихожей. Вдоль стен висела поленница дров.

В коридор вышла жена, известная актриса Елагина, высокая, красивая женщина.

– Где ты был, Павел? Я не спала всю ночь.

– В ЧК.

– Где?

– В ЧеКа, разве непонятно?

– За что?

Арнаут вошел в кабинет, Огромную комнату, заставленную книжными шкафами.

На полу лежали связки книг.

Арнаут наклонился, присмотрелся.

– Я же их продал!

– А я выкупила обратно.

– Откуда у тебя деньги?

– Продала кольцо.

Арнаут тяжело сел в кресло.

– Книги вернулись. Странно.

– Что ты делал в ЧК?

– Сидел. Потом меня допрашивала амазонка революции.

– Что ты сделал?

– Написал прошение, чтобы меня выпустили в Ригу, там печатают мое собрание сочинений.

– Ты решил ехать один?

– Нет. В прошении я указал, что уезжаю всей семьей.

– А меня ты спросил?

– Не понимаю.

– Я вчера получила письмо от Маши Мирской, как раз из Риги, она пишет, как там маются русские артисты. Я не брошу театр.

– Балаган! – закричал Арнаут, – Вы играете в стылом зале, при керосиновых лампах, в старых перелицованных костюмах. Это театр?

– Да. Мы играем. Конечно, трудно, но мы играем.

– Для кого?

– Для зрителя. И весьма благодарного. Правда, корзин с цветами не дарят, но подарили дрова, которыми ты будешь отогреваться.

В кабинет вошел сын, красивый молодой человек в хромовых сапогах, галифе и черной кожаной куртке, на рукавах которой были лазоревые нашивки с буквами «ВЛШ» и значками авиатора.

– Отец, подслушивать подло, но это получилось случайно. Прости. Я тоже никуда не еду. Через месяц я оканчиваю школу и буду авиатором. Получу хороший паек, большое жалование, ты сможешь писать...

– О чем? – Арнаут вскочил.

– Я не знаю, – растерялся сын.

– Не знаешь. Я ненавижу эту страну. Ненавижу.

– Раньше ты говорил и писал совсем другое.

– То было раньше. Значит, вы меня бросаете.

– Нет, – ответила жена, – мы просто никуда не поедem.

– Ненавижу вас. Рабы... холопы.
Арнаутов вышел, хлопнув дверью.

Кафе «Домино»

В зале кафе «Домино» окна были завешены тяжелыми портьерами из некогда темно-вишневого рытого бархата.

Два десятка столов теснились в зале, который венчала импровизированная эстрада.

Дымно было в кафе и шумно.

Непростое это было место. Ах не простое. Именовалось оно кафе поэтов, но колючий ветер революции, потом гражданской войны, заносил сюда всех, кому надо было сесть на душевный ремонт. Как бабочки на свет прилетали сюда дамы, подзабывшие, что такое мораль, которую и вдалбливали в гимназиях.

Уголовники то же облюбовали это кафе, но вели себя степенно, дружески относились к поэтам, писателям и актерам.

Ну и конечно люди из ЧК, не могли пропустить столь удобное для оперативной работы место. Здесь поигрывали в карты, спекулянты сбрасывали свой товар, налетчики отдыхали после дела, а творцы, чуть выпив, вели разговоры крамольные.

Непростое было это кафе. Ах, непростое.

Арнаутов вошел в зал, расстегнул пальто.

Стал высматривать знакомых.

И увидел.

В углу у эстрады за сдвинутыми столами сидели журналисты во главе с Олегом Леонидовым.

– Павел Сергеевич, прошу к нам.

Арнаутов подошел.

Посмотрел на богато по-нынешнему времени накрытый стол.

Сел.

Леонидов налил ему стакан водки.

– Что это? – Арнаутов понюхал стакан.

Не бойтесь, пейте смело, чуть разбавленный спирт. У меня праздник. Книжка вышла.

– Поздравляю.

Арнаутов одним глотком выпил крепкую смесь.

Ткнул вилку в блюдо с котлетами.

– Котлетки-то из-под дуги?

– Именно. Благословенная конина, – засмеялся журналист с трубкой.

– А где же книга? – спросил Арнаутов.

– А вот она.

– «В стане батьки Махно». Занятно. Когда-то продавали «Похождения великого русского сыщика Путилина», теперь сочинения о Махно. Но все же поздравляю. Я зачитывался вашей книгой «В окопах».

– Спасибо.

Внезапно заиграла гармошка.

В зал вошел элегантнейший донельзя Анатолий Мариенгоф, в роскошном пальто-реглан и в цилиндре, в котором отражались огоньки ламп.

Рядом с ним тоже в цилиндре, который еле держался на золотистой голове, растягивал меха гармошки Сергей Есенин.

– Олег, – крикнул он, – я тебе подарок принес. Настоящую тальянку.

Он подошел к столу и они обнялись.

Мариенгоф положил на стол несколько книжек Леонидова.

– Мой подарок.

– Садитесь, друзья.
Есенин сел, выпил, повернулся к Арнаутову.
– Что грустный, классик?
– Жизнь такая.
– А ты, Петя, выпей, давай, давай. Со мною вместе за Олежку, короля сенсаций. Ишь, что учудил, из-под расстрела сбежал от Махны.
Он выпил. Вскочил. Оглядел зал.
Потом вспрыгнул на эстраду.
– Слушайте, други. Для милого мне человека Олежки Леонидова читаю.
Он помолчал и сказал негромко:
– Исповедь хулигана.
Зал взорвался аплодисментами.
– Давай, Сережа!
– Браво!
– Слушаем тебя!
Есенин постоял в раздумье, потом бросил цилиндр на эстраду, поправил волосы и начал:

*– Не каждый умеет петь.
Не каждому дано яблоком,
Падать к чужим ногам.
Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедовался хулиган,
Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа на плечах,
Ваших душ, безлиственную осень, мне нравится
В потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.*

Зал молчал. И было в этом молчании что-то настороженное, как перед взрывом.

Письмо из прошлого. Олег Леонидов

Внезапно в темноте раздался грохот, казалось, что в квартире обвалился потолок.

Леонидов проснулся, автоматически надел кастет на правую руку, выскочил из-за занавески, отгораживающую нишу, в которой стояла кровать, в комнату.

Нащупал на стене выключатель и свет зажегся.

Развалилась поленница дров, уложенных вдоль стены коридорчика и комнаты.

Так он и стоял в одном белье, с кастетом на правой руке, среди разметавшихся по паркету сучковатых поленьев.

Это надо же. Развалилась поленница, а вроде укладывали ее аккуратно. Видимо слишком много дров пожертвовал ему главный редактор.

Леонидов сел на стул, печально оглядел дровяной хаос. Извечный, практически гамлетовский вопрос стал перед ним. Что делать? Складывать поленницу или послать все к матери и лечь спать.

Господи! Дрова эти, буржуйка, мог ли он подумать об этом, когда менял квартиру в знаменитом доме Нереинзее. Тогда в каждой квартире стоял телефонный аппарат, на маленькой кухне двух-комфортная газовая плита, центральное отопление. На крыше дома разместились роскошный ресторан и теннисные корты. Сидишь в ресторане, а Москва внизу, как движущийся макет.

Газ отключили, паровое отопление то же, о телефонной связи напоминает инкрустированный серебром аппарат, подарок на день рождения Саши Куприна. Слава Богу, что работает водопровод, и электричество подают без перебоев, а чай можно на примусе или «буржуйке» вскипятить.

Леонидов открыл дверцу печки. Она уже прогорела. Он положил поленьев до краев и пошел спать. Утро вечера мудренее.

Гостиница «Метрополь»

К входу в гостиницу «Метрополь» подъехал сияющий боком длинный автомобиль «Рено» с брезентовым верхом.

Он остановился, и шофер нажал на грушу клаксона, который исполнил начало знаменитой арии.

С переднего сидения выпрыгнул затянутый ремнями молодой военный, распахнул дверцу.

Из машины вылез импозантный человек в щеголеватой фуражке, скомканной по-гусарски, на левом рукаве бекеши звезда и три ромба.

– Прошу, товарищ командарм, гостиница «Метрополь», ныне второй Дом Советов.

– Выгружайте вещи.

В вестибюле гостиницы вахтер в кожаной куртке с наганом на поясе перегородил дорогу.

– Ваше разрешение на вход, товарищ командарм.

– Я – командарм Юрий Саблин, вот разрешение наркомвоенмора товарища Троцкого на заселение.

По вестибюлю к вахте бежал человек в штатском пиджаке и косоворотке.

– Вы товарищ Саблин? – крикнул он.

– Да, товарищ, я командарм Саблин, а вы кто?

– Я комендант Дома Советов Пыжов.

– Вам звонили из наркомвоенмора?

– Да, конечно, позвольте ваше направление?

Саблин протянул бумагу.

– Сколько человек с вами? В бумаге сказано «и сопровождающие лица». Сколько с вами лиц?

Саблин усмехнулся.

– Мой адъютант, два охранника и шофер.

– Я могу предоставить вам трехкомнатный номер на всех.

– Товарищ Пыжов, а если подумать? – улыбнулся Саблин.

– Эх, – комендант махнул рукой, – была не была. Принимая во внимание ваши военные заслуги перед пролетариатом, дам еще одну одиночку.

– Вот и славно, – Саблин похлопал коменданта по плечу, – все и сложилось. Кстати, комиссар ЧК Яков Блюмкин проживает еще в гостинице?

– Обязательно. В тридцать восьмом номере, полулюксе.

– А вы не знаете, он у себя?

– Уехал на службу.

МЧК

В кабинет Манцева вошел начальник КРО Глузман.

– Тебе чего, Абрам Гертович?

– Новости, Василий Васильевич, новости.

– Наше доблестное КРО поймало Врангеля?

– Да нет, – Глузман устроился в кресле, достал массивный серебряный портсигар, вынул папиросу, – не желаете?

– Давай.

Манцев взял портсигар.

– Богатая вещь, товарищ Глузман. Богатая.

– Награда.

– Кто же это?

Манцев прочел гравировку: «т. Глузману А.Г. от Центророзыска». Ишь ты, богато живут младшие братья. Так, чем порадуете?

– Не знаю, порадую или огорчу.

– Не тyani.

– В гостинице «Метрополь», я уж по-старому, извините, в сорок второй номер, трехкомнатный люкс, заселился Юрий Саблин.

– Да что ты!

– Именно так.

– И не побоялся?

– У него от Троцкого охранная грамота. Более того, он в форме командарма.

– И звание ему пожаловал тоже Лев Давидович?

– Именно. С ним четыре человека. Адъютант Сольский, бывший эсер, студент недоучившийся, потом прапорщик, специалист по эксам. Два охранника Благой и Кочура, оба с темным прошлым и механик-шофер Рыжак, о нем ничего не известно.

– Плохого?

– Именно.

– А хорошее?

– Опытный шофер, бывший унтер-офицер Первого петроградского бронедивизиона.

– Ну, там все водители унтерами были. Чем вы все-таки озабочены?

– В Москве есть разветвленное эсеровское подполье, кроме того, один из охранников, Благой, анархо-синдикалист.

– Конечно, Саблина надо за Украину расстрелять, как его бывшего друга Сахарова. Непонятно, как Троцкий быстро изменил свое мнение о нём. Помните, он писал, что Сахаров и Саблин опасные максималисты, и нате вам. Это хорошо, что Юрочка в Москву приехал. Прекрасно. Если с умом организовать оперативную комбинацию, можно получить хорошие результаты. Юрочка Саблин замечательная личность...

– Вы словно восхищаетесь им.

– Именно. Обожаю авантюристов, нет в моем рациональном характере хотя бы капли авантюризма, не судьба, поэтому я канцелярский служащий, а Саблин – легендарный командарм.

– Полноте, ваши оперативные игры дадут сто очков любому графу Калиостро.

– Милый мой, – Манцев встал, зашагал по кабинету, – одно дело в кабинете планы придумывать, а совсем другое – экспромт, азарт.

Устоявшиеся связи у Саблина в Москве есть. Это писатели и поэты. Он же сын известного книгоиздателя-мецената. Значит, кафе «Домино».

- Они все нами плотно перекрыты.
- Не только вами. Я не берусь судить, кого там больше – представителей богемы или наших секретных сотрудников.
- У Саблина жестокий роман, – усмехнулся Глузман.
- Вот это интересно. Кто?
- Ленская Ольга Павловна. Двадцать восемь лет. Закончила гимназию. Дочь биржевика Ленского. Одна из девиц Марии Анисимовой, псевдоним «Люба», кличка Баронесса.
- Вот и хорошо. Пусть Баронесса создаст влюбленным все условия.
- Я немедленно с ней встречусь.

Лапшин и «Баронесса»

Лапшин, в шелковом китайском халате лежал на диване и читал книгу Арнаутова.

Дымилась папироса, забытая в пепельнице на стуле.

В глубине квартиры дважды пробили часы.

В комнату вошла высокая чуть полноватая блондинка.

Афоня, обедать будешь?

Лапшин сел на диване.

– А чем угостишь?

– Суп картофельный и свинина с картошкой жареной.

– Давай свининки.

– Сейчас подам, я уйти должна.

– Далече?

– С лягавым моим встреча.

– Ох, Маша, подрывать нам надо. Чекисты народ ушлый.

Уж на что жандармы специалисты были, а я самого Прилукова промеж двух берез обводил.

Сколько веревочка ни вейся...

– Да куда подаваться-то, Афоня?

– К финнам или латышам, или в Варшаву. Там люди серьезные есть.

– С бумажками этими?

Мария вынула из кармана платья пачку советских денег.

– Давай золотишко и камни скупать. Бумаги этой у нас на две жизни хватит. А я пока подумаю о хорошем дельце. Есть наметки, но его поставить надо, а для этого людишки нужны.

– Я вчера в «Домино» Доната Черепанова видела. Гулял.

– Устрой встречу.

– Сделаю. Пошли, поешь.

Конспиративная квартира МЧК

Глузман ждал Марию на конспиративной квартире. Он сидел за огромным столом, пил чай и курил.

Звякнул звонок.

Глузман встал, пошел открывать.

Анисимова вошла, огляделась.

– Сколько сюда прихожу, начальник, столько и удивляюсь. Что в чеке вашей денег нет квартирку обставить? Самовар и тот я вам подарила.

– А зачем, Баронесса, нам уют? Здесь встречаются по делу. Поговорили и ушли. Ну, рассказывай.

– А что говорить-то, начальник, я все написала.

– Сколько тебя просил писать только здесь! А если кто увидит?

– А кому видеть-то? Утром я дома одна. Написала и на груди спрятала.

– Ох, Анисимова, Анисимова... Давай твоё сочинение.

Глузман быстро прочитал, спрятал донесение.

– Молодец. Вот, Мария, какое дело. Ольга Ленская у тебя ещё работает?

– А как же.

– Её дружок появился...

– Юрка.

– Он самый. Ты им свидание устрой и за ним присмотри, заодно за людьми, которые с ним придут. Твоя задача выяснить, для чего он появился в Москве и что у него на уме. Поняла?

– А что ж не понять. Только для этого деньги нужны. Харчей да шипучки купить, он до неё большой охотник.

– Любит шампанское, – Глузман усмехнулся, – деньги я прямо сейчас дам. А ты Ольге скажи, чтобы к тебе ехала.

– Здесь аппарат есть?

– Конечно.

– Так я ей прямо сейчас телефонирую.

Инспектор МУРа Георгий Тыльнер

Его разбудил телефонный звонок.

Тыльнер был ответственным дежурным по городу, и спал в кабинете на широком кожаном диване. Еще весь во власти сна, он подошел к столу, снял трубку с рычагов аппарата.

– Тыльнер.

– Слышь, Федорыч, – напористо забился в телефоне голос агента по книге «Фазан», – увидеться надо, дело есть.

– Что за дело? – Сонно-зло спросил Тыльнер.

– Я что телефонным барышням о деле говорить буду?

– Где встретимся.

– На Тверской, у памятника, через час.

– Сговорились.

Тыльнер положил трубку. Закурил.

Ночь сегодня на удивление была тихой, и ему удалось поспать часа три, что можно считать удачей. Он уже привык к этой жизни, когда по несколько дней не бываешь дома, спишь урывками, ешь, Бог знает чего.

Но именно такая жизнь, очень нравилась бывшему гимназисту Жоре Тыльнеру. Еще пять лет назад он носил сизую гимназическую шинель с блестящими пуговицами и голубоватую фуражку с серебряным гербом гимназии, а сегодня он инспектор Уголовного Розыска и начальник бригады по особо тяжким преступлениям.

Те пять лет, которые он работает в сыске, любому другому человеку хватило бы на три жизни, а Тыльнер был еще полон гимназического романтизма, твердых понятий о добре и зле, и заряжен романтикой революции.

И если первые года три он не знал сомнений, то постепенно они начали приходить к нему. Он гнал их и однажды поделился с ними с Олегом Леонидовым, человеком которому доверял безгранично.

– Георгий, – грустно сказал Леонидов, – запомните, что еще во времена Великой Французской революции, один, думаю весьма не глупый человек, сказал, что она пожирает своих детей. А потом запомните, что революции делают не голодные, а сытые, чтобы есть еще сытнее. Поэтому мы с вами должны делать свое дело, а там что будет.

– Неужели вы не верите в провозглашенную свободу, равенство и братство.

– Не верю. Я слишком много пошатался по фронтам этой войны и растерял веру, не припомню где.

– Так что же мне делать?

– Об этом уже пытался написать Чернышевский, но у него ничего не вышло. Работайте, сыск вечен, он необходим любому строю. Вы же боретесь с уродами и мразью, а это дело весьма почтенное.

В тот вечер Тыльнер расстался с Леонидовым, так и не получив ответ на то, что его беспокоило.

Секретный сотрудник, псевдоним «Фазан», сидел на холодных камнях памятника.

– Здравствуй, – сказал Тыльнер, – не боишься задницу застудить.

– Не боюсь, Федорыч, она у меня сильно порота была, папашей покойным, так что задубела, ей ни жара, ни холод нестрашны.

– Ну что у тебя стряслось?

– Это не у меня, а у сыскной.

– Не тани.

– В кафе «Домино» встретил Сашку Иваницкого, он сказал, что завтра в шесть Борька-поэт будет в своей квартире на Молчановке.

– А откуда Иваницкий знает.

– Они кореша. Борька собраты придет. Рвет он из Москвы. Обложили вы его сильно.

– Подожди, подожди, а что там на Молчановке.

– А ты, Федорыч, будто не знаешь, – засмеялся «Фазан», – там у него в доме со львами квартира, где он проживает. Вы его по малинам, да мельницам шукаете, а он живет себе в богатом доме.

– Бардак, – выругался Тыльнер.

– А я что говорю, – Фазан достал папиросы «Ира», – закуривай. Федрыч, ты мне ничего не принес.

Тыльнер, достал из кармана пачку денег.

– Держи, расписку потом напишешь. Постарайся встретиться с Иваницким, есть такая возможность?

– А то. Он каждый вечер в «Домино», в железку заряжает.

– Покрутись с ним, выясни, ну как ты умеешь ненавязчиво, где остальные члены банды.

– Так их всего трое осталось Витя-Порутчик, Ленчик-Певец и Серега-Червонец. Они не из наших, фраера Хиве не верят.

– Трудное дело, я понимаю, поэтому и прошу тебя, ты чего молчишь все.

«Фазан» затянулся и сказал после паузы:

– Хитер ты, Федорыч, ох хитер. Все нет, но кое-что умею.

– Тогда разбежались, жду добрых вестей.

Тыльнер вернулся в Гнездековский и приказал вызвать всех сотрудников своей бригады.

Потом позвонил начальнику МУРа, благо он еще не спал и доложил о том, что накололи Борьку-Поэта, и попросил бойцов из летучего отряда.

Дом на Молчановке приняла наружка.

Борька-Поэт. Он же Борис Новицкий

Казаринов сначала не узнал своего старинного друга. Был когда-то Борис Новицкий поэтом декадентом, ходил в бархатной блузе с атласным бантом, в штанах из красной коже, и со стрелкой нарисованной на сумке.

– Ты, что не узнаешь меня, Витя?

Ну как узнаешь человека в желтой кожанке, в фуражке не со звездой, в высоких сапогах-шевро и моднейших английских бриджах, завернутого в тунику поэта. Они обнялись.

– Ты никак в ЧК служишь.

Новицкий захохотал.

– Витенька. Совсем наоборот. Я поэт полетов.

– Я думал ты перестал.

– А зачем. Я как начал при Керенском так и продолжаю по сей день.

– А как же стихи?

– Пишу. И даже выпустил три книжки.

– Ничего себе.

– А ты как?

– Второй день как с Юга. Делал там кино. Заработал кое-что.

– Ты всегда был молодцом, – Борька-Поэт обнял Казаринова за плечи. – Пойдем ко мне.

Посидим, выпьем, закурим, а то мне надо линять из столицы.

– Мне надо передать письма с Юга.

– Кому, если не секрет.

– Да какой там секрет, Боря, Арнаутову и Олегу Леонидову.

– Мы посидим, а ты потом в «Домино» и наверняка их встретишь. Пошли ко мне, до Молчановки два шага.

Они стояли у ювелирного магазина Нефедова, на углу Афанасьевского переулка.

Мимо торопились люди. День уходил. Начинались вечерние заботы.

Казаринов с любопытством наблюдал за толпой. Иная она была, чем в восемнадцатом, когда он уезжал из Москвы.

Практически исчезли с улиц шинели, заменившие москвичам пальто.

Вот прошли мимо две дамы в каракулевых шубах с накинутыми на плечи чернобурками и крошечных надвинутых на глаза шляпах-колпачках.

Другой стала Москва, совсем другой. Даже дворники опять появились разметающие мусор.

– Что смотришь? – спросил Борис.

– Знаешь, если покрасить особняки, да крыши подновить шикарным стал бы Арбат.

– Погоди немного. Это Колумбы капитализма, остальные пока осматриваются и выкапывают горшки с золотишком. А вот когда они придут в коммерцию жизнь пойдет иначе.

Пошли, дома поговорим.

Квартира на Молчановке

На темную Молчановку въехал грузовик.

Остановился у дома со львами у входа.

Из кабины вылез инспектор УГРО Тыльнер, в серой пушистой кепке и пальто-реглан из дорогого материала.

Из темноты вышел человек.

– Замерз, Ефимов? – спросил Тыльнер.

– Есть малость, Георгий Федорович.

– Он дома?

– Да. С ним еще один.

– А черный ход?

– Там Соловьев с милиционерами. Свет есть.

Тыльнер посмотрел: два окна на третьем этаже светились.

– Где дворник?

– Ждет.

Тыльнер подошел к машине.

– Приехали. А вы, Василий Алексеевич, подождите, – сказал он эксперту.

Из кузова прыгнули четверо.

Они вошли в подъезд некогда весьма богатого доходного дома.

Навстречу вышла странная личность в рваном обрезанном армяке, валенках, но в фуражке с галуном.

– Вы дворник?

– Я.

– Мы из уголовного розыска.

– Из сыскной, значит. Понимаем.

– Кто живет в пятой квартире?

– Когда-то там проживал писатель граф Толстой, а нынче какой-то комиссар.

– Почему комиссар?

– так в кожаной тужурке ходит и в фуражке со звездой.

– Понятно. У вас есть запасные ключи?

– Как не быть, имею.

– Дайте их нам.

– Я-то дам. Мне что, раз из сыскной просят, но у них два запора, я дрова заносил, видел.

Здоровые щеколды.

– А на черном ходу?

– Не видел, не знаю. Там дверь досками заколочена.

– Пошли посмотрим.

На черной лестнице сидел агент второго разряда Соловьев и два милиционера.

– Все спокойно, товарищ Тыльнер.

– Пошли.

Дверь, действительно была заколочена крест-накрест досками.

Тыльнер подошел, дернул доску и она отъехала в сторону.

– Господи помилуй, – дворник перекрестился.

– Старый номер, доски на петлях. Соловьев, зови оперативников. Сам с Ефремовым и милиционерами к парадным дверям.

В квартире, обставленной когда-то красивой мебелью из карельской березы двое Борис и Виктор, ужинали.

– Борис, а как ты попал в квартиру графа Толстого? – спросил Казаринов.

– Виктор, ты давно уже не был в Москве, твоя наивность поражает меня. Когда большевики переехали в наш столичный город, я в ихнем Совнаркоме у хорошего человека за бутылку спирта выменял бланк с печатью и подписью самого Ленина. А дальше дело техники, напечатал ордер на заявление и вот я здесь.

– Мебель жаль. Такую красоту испортил.

– До меня здесь жил революционный матрос, он-то и загадил стол. Видишь следы? Горячую сковородку ставил, чайник тоже. Чинарики о мебель гасил. Сволочь и мерзавец. Но я последний день в этой квартире. Наших повязали в Твери, значит и до меня доберутся. Но тебе устроиться я помогу.

– Спасибо, Боря. Но у меня есть, где голову преклонить.

– Папенька с маменькой?

– И дядя с теткой.

– А как ты жил в Крыму?

– Неплохо. Ты помнишь, дядя отбил меня от военной службы в четырнадцатом году и пристроил в киноотдел Скобелевского комитета. Печатал рассказы в журналах, военные агитки. Потом меня Толдыкин пригласил в свое киноателье. Так я стал кинописателем. И представь, встречаю в Симферополе Толдыкина, они там фильму снимают, да не только они. Из Питера, Москвы, киноателье штук семь. Работа была, деньги тоже.

– Да какие там деньги.

– Не скажи. Я часть империалами получал.

– Это дело. Что же ты не рванул с ними за кордон?

– Не знаю.

Виктор закурил.

– Когда я отказался ехать Бог знает куда, меня разыскал Митька Рубинштейн.

– Бывший председатель правления Русско-Азовского банка?

– Он самый. Мы с ним когда-то в Питере, да и в Москве неплохо гуляли. Он попросил меня отвезти письмо в Москву, даже денег на дорогу дал... Но ты, Боря, ничего не рассказал о себе.

– А что говорить, я – поэт налетов...

Оперативники, вскрыв двери черного хода, в темноте пошли по квартире.

Внезапно с грохотом покатилося ведро, специально поставленное на ходу.

Борис вскочил, выхватил маузер, выключил свет.

– Лягавые, Витя!

Он трижды выстрелил в сторону кухни.

В темноте кто-то крикнул протяжно и страшно, прощаясь с жизнью.

И началась револьверная стрельба.

Вспышки выстрелов выдергивали из темноты лица, делая их чудовищными и страшными.

– Прекратить огонь! – скомандовал Тыльнер. – Новицкий, бросайте оружие и сдавайтесь.

Никто не ответил.

Тыльнер зажег фонарь.

В комнате на полу лежали двое.

Тыльнер нашарил выключатель, зажег свет. Наклонился над убитыми.

– Борька. Поэт, он же Новицкий. Второго не знаю. Обыщите их и позовите из машины фотографа. Соколов, пишите протокол. Начинаем обыск.

Подожел оперативник, положил на стол перед Тыльнером документы убитого, деньги, несколько золотых монет.

– Виктор Олегович Казаринов. Кинописатель. Оружие при нем было?

- Нет, товарищ инспектор.
 - Значит, зашел в гости и попал под раздачу.
 - К бандитам хорошие люди в гости не ходят, – сказал оперативник.
 - И то, правда. Так, письма при нем. Так... так... Вот это да.
 - В чем дело, – Соловьев оторвался от протокола.
 - Смотри.
- На конверте было написано:
«Олегу Алексеевичу Леонидову».

Квартира Леонидова

Леонидов укладывал поленья.

В прихожей они уже лежали ровно и надежно, а в комнате еще царила разруха.

Леонидов взял несколько газет, сунул в печку-буржуйку, положил туда дрова и зажег спичку.

Печка занялась сразу, и даже загудела.

Леонидов закурил.

В дверь постучали.

– Ну, кого еще несет? – Леонидов, переступая через поленья, пошел открывать дверь.

На пороге стоял молодой человек в серой пушистой кепке и добротном пальто.

– Здравствуйте, Олег Алексеевич.

– Господи, Гоша, я вас не видел целую вечность.

– Служба.

– Три года прошло, как вы в угрозыске работаете, а стали настоящим сыщиком. Заходите.

Вы по казенной надобности или в гости?

– В гости. Не прогоните?

– Что вы, прошу. Ваша контора через два дома от меня, а видимся редко.

Георгий Тыльнер вошел в комнату.

– Олег Алексеевич, у вас здесь стихийное бедствие.

Тыльнер снял пальто и начал собирать дрова.

– Гоша, я сейчас, будем пить кофе. Хотите кофе?

– Нынче кофе странный.

– Нынче жизнь странная, а кофе у меня есть натуральный.

– Сухаревка неистребима.

– Зачем же Сухаревка. Мой приятель – заместитель Луначарского. Вхож в Кремль. Он и купил мне в тамошнем кооперативе «Коммунар» пакет кофе.

– Огромные деньги?

– Гоша, я заплатил за это копейки. В «Коммунаре» есть все. Телятина, фрукты, шоколад «Эйнем», который, кстати, обожает Ленин, конфеты, масло. Все. Как бывало в «Елисеевском». Неужели не слышал об этом гастрономическом рае?

– Слышал, конечно.

Леонидов поставил кофейник на буржуйку.

Когда вода закипела, он щедро насыпал из стакана кофе.

– Господи, – тихо сказал Тыльнер, – запах из прошлого, доброго, милого прошлого.

– Ностальгируете, Гоша? Прошу к столу.

– Минутку.

Тыльнер вынул из кармана пальто сверток.

– Нынче в гости с пустыми руками не ходят.

Он подошел к столу, развернул бумагу.

– Вот это да! – удивился Леонидов, – белая булка и ветчина. Никак уголовный сыск пускают в гастрономический рай?

– Нет, мой дорогой, у нас свои возможности.

– Мне бы так хоть денек пожить.

– Не прибедняйтесь.

– Не буду.

Олег поставил на стол красивые чашки, две рюмки, нарезал булку и ветчину, поставил бутылку настоящего коньяка.

- Шустовский, – ахнул Тыльнер, – откуда?
- У нас тоже свои возможности. Ну, начнем, благословясь.
- Леонидов разлил коньяк по красивым хрустальным рюмкам.
- Господи, вздохнул Тыльнер, – все, как раньше.
- Милый Жорж, – рассмеялся Леонидов, – для руководящего сотрудника московской розыскной милиции заявление неуместное.
- Может быть. Но очень часто, особенно по утрам, я вспоминаю нашу столовую, запах кофе, свежие булочки, еще теплые, три сорта варенья и брусок масла.
- Вспоминаю, когда пью чай с коричневым сахаром или сахарином и ем несвежий хлеб.
- Зато сейчас мы едим замечательную белую булку.
- Олег Алексеевич, вы не знали Виктора Казаринова?
- Конечно. Весьма яркая личность. Украшение столичной и московской богемы. Писал весьма неплохие рассказы, потом стал отличным кинописателем. Широкий, щедрый, бонвиван, с ним крутились самые разные люди. От театральных статистов до Митьки Рубинштейна и самого Распутина.
- Он дружил с Рубинштейном? – удивился Тыльнер.
- И не только с ним. И князь Андроников и Манасевич-Мануйлов и Симанович. Не знаю, насколько они были дружны, но кутили вместе. А зачем вам?
- Тыльнер достал из кармана фотографию, положил на стол.
- Леонидов присвистнул.
- Убили Витю. Жаль, веселый был парень и хороший товарищ. Как это случилось?
- Мы брали Бориса Новицкого, того самого знаменитого налетчика по кличке Поэт...
- Так я его знаю. Он постоянный гость кафе «Домино».
- Произошла перестрелка, а в квартире был Казаринов. Случайная пуля.
- Жаль.
- У него мы нашли два письма. Одно... – Тыльнер протянул конверт.
- Я могу прочесть? – поинтересовался Леонидов.
- Я прошу вас это сделать. Письмо очень любопытное. Особенно упоминание о каком-то Сашеньке. Одна голова хорошо...
- Ну, что ж. «Дорогой друг – начал читать Леонидов, – выдалась счастливая okazия и я шлю вам письмо с милым Витенькой Казариновым. Я знаю, что вы его любите, а главное, верите ему. Сейчас Советы выпускают за границу людей, вроде вас. Я встречал в Стокгольме и Париже несколько артистов и писателей, покинувших Совдепию. Их рассказы ошеломили меня. Я никогда не был русским патриотом, не финансировал белых, тем более красных. Моя страна – мои капиталы, я подлинный патриот денег. Подавайте прошение. Вам помогут, есть коммерсант, который дружит с большевиками, вывозит из Красной России художественные ценности. Он заинтересован в моих капиталах и готов оказать мне это небольшое одолжение. Не забудьте Сашеньку, это очень важно и для вас, и для меня.
- Крепко обнимаю. Жду в Стокгольме. Ваш Митя Рубинштейн».
- Леонидов положил письмо на стол. Задумался.
- Как я догадываюсь у вас возникли два вопроса. Кто получатель этого письма? И что это за Сашенька? Так?
- Именно.
- Это делается просто. Надо отработать всех общих знакомых Казаринова и Рубинштейна в Москве.
- Это непомерный труд, – вздохнул Тыльнер.
- Отнюдь. Их не так много, тем более писателей и артистов. Надо узнать, кто получатель, а потом искать таинственного Сашеньку.
- Или таинственную Сашеньку.

– Я могу доложить Никулину, что вы согласны нам помочь?
– Никулину?
– Это мой начальник.
– Ну, вот, вся таинственность пропадает и никаких авантюрных приключений. А это очень важно в таком мероприятии.
– Ну, так что?
– Согласен. Чувствую, что будет интересно, вот только будет ли из этого статья и дадут ли ее напечатать?

– Вы из всего можете сделать интересную статью. Но вот какое дело, Олег Алексеевич, у убитого было еще одно письмо, вы уж не обессудьте, мы его прочитали. Служба.

– А почему у меня должны быть к вам претензии?

– Это письмо было адресовано вам.

– Мне? – Леонидов вскочил, – где оно?

– Прошу, – Тыльнер протянул конверт.

Леонидов взял письмо.

– Господи, это же ее почерк.

– Да, писала его Елена Вольдемаровна Иратова, вы уж извините нас...

Леонидов выпил коньяк. Подошел к окну.

Начал читать.

«Мой милый, дорогой человек. Пишу из Крыма, похожего на изношенную театральную декорацию. Я все время вспоминаю вокзал, толпу и вас, мой родной, с поднятой рукой. Жалею ли я, что убежала из холодной и голодной Москвы на Юг? Не знаю. Я много снималась. Петр Андреевич Талдыкин очень серьезно организовал здесь кинодело. Он скупил почти все электро-театры в Ялте, Севастополе, Симферополе, поэтому его кинотоварищество снимало очень много неплохих картин.

Писал сценарии Витя Казаринов, который, кстати и передаст Вам мое письмо.

Последнюю фильму «Ключи счастья» мы снимали для французской фирмы «Гомон», их представитель сделал всем французские паспорта. Мне тоже принесли французский паспорт, но я отказалась ехать. Отказался и Витя Казаринов, он засобиравшись в Москву. Странно, идет война, а поезда ходят и можно добраться до любого города.

Я проводила наших, и я хожу к морю, оно беспокойное, как наша жизнь.

Елена стоит у моря.

Волны набегают на берег и с шумом уходят, оставляя пену.

– Сегодня уезжает Виктор, я отдаю ему письмо, а через десять дней еду сама. Можно я обременю Вас просьбой? Если да, то сходите к Таирову и спросите, возьмет ли он меня обратно.

Мне не верится, что скоро увижу вас. И жду этого, как гимназистка. Обнимаю вас. Ваша Елена.

Леонидов опустил письмо.

И Тыльнер увидел совершенно другое лицо, насмешливо-ироническое выражение сменилось на печальное и нежное.

– Спасибо вам, Жорж, большое спасибо.

Да за что меня благодарить, если бы в тот день мы не ввалились на хату Новицкого, Казаринов сам бы разыскал вас, и наверняка передал бы что-то важное для вас, на словах.

Леонидов сел к столу.

– Это письмо я могу оставить, или оно пришито к делу?

– Оставьте, никакого дела нет. Есть несчастный случай. А вы не знаете, откуда Новицкий знал Казаринова?

– Он и меня знал. Мы вместе когда-то учились в Катковском лицее. Только выгнали нас в разное время.

– А вас за что?

– Лицеистам было запрещено сотрудничать в печати, а я написал статью о порядках в лицее, об идиотах профессорах, о том, что в коридорах пованивает казармой, да много всего.

– Вы подписались своим именем?

– Конечно, нет, придумал псевдоним, очень актуальный и свежий – «Очевидец».

– И как же вас нашли?

– Московского охранного отделения ротмистр Прилуков этим занимался. Жандармы работать умели. Меня вычислили и выгнали с волчьим билетом. А Новицкого и Казаринова попросили из лицея, наверно, через год. Поэтому мы и знаем друг друга, вернее знали.

Леонидов разлил коньяк.

– Давайте выпьем за упокой души Вити Казаринова. За Новицкого пить не будем, поганный был человек.

Они выпили, помолчали.

– А вы знаете, – Тыльнер закурил, – в Москве объявился Юрий Саблин.

– Быть не может! У него же какие-то серьезные проблемы с самим Троцким.

– Тем не менее, живет в «Метрополе», в номере 405, носит форму командарма.

– Чудны твои дела, Господи. Он же под расстрелом был.

– Это их игры, которые именуются политикой. Значит, Саблин для чего-то понадобился Троцкому.

– Знаете, Жорж, пошли они со своими игрушками сами знаете куда. Но я репортер, а приезд Саблина событие любопытное. Я кое-что знаю, чего не ведает ни один журналист о первом правительстве Украины. Если Саблин, который участвовал в этом балагане, подтвердит это, у меня будет очередная сенсация. А пока давайте-ка, согрею еще кофе и выпьем по рюмке этого чудесного напитка.

Кафе «Домино»

В Кафе «Домино» под потолком висел слоистый дым. На эстраде поэт в бархатной блузе и веревкой вместо банта уныло завывал:

– «Я хочу тебя голую, голую, голую...

Его практически никто не слушал.

Только за одним столом рядом с эстрадой экзальтированная девушка с восторгом глядела на него, да трое в странных блузах с моноклями внимали поэзии.

Один из них вскочил, встряхнул кудлатой головой и крикнул:

– Тихо, хамы! К вам спустился поэт!

Из-за стола вскочил Есенин.

– Ты что, Мишка, с ума съехал, нас хамами называть. Леону разрешили читать, гонорар – бесплатный стол. Вот сидите и пейте.

– Сережа, ты посмотри, люди не любят поэзию!

– Миша, люди поэзию любят, но хорошую.

– Ты хочешь сказать... – поэт Миша угрожающе задвигался.

– Что хотел, то и сказал, а будешь грозить, я тебе ноги вырву и к плечам пришью.

– Да сядь ты, Мишка, – загомонили за столом. – Не связывайся с ним, он же хулиган.

Только девица продолжала смотреть на эстраду влюбленными глазами.

В углу у окна расположилась Баронесса с двумя хорошенькими дамами. Они мило беседовали и пили чай с пирожными местного приготовления.

За соседним столиком гуляли хорошо одетые мужчины, явно провинциального вида.

Один из них повернулся к столу Баронессы:

– Плачу, сколько скажешь за удар. Пошли на лестницу.

– Ты умишко-то совсем пропил, – засмеялась Мария, – а ну, отвали.

– Да ты знаешь, кто я? – крикнул мужик.

– Налетчик ты с гондонной фабрики, сиди тихо, за меня есть, кому слово сказать.

– Ты, бандерша, я тебя... – он вскочил, покатился с грохотом стул.

Из-за соседнего стола поднялись двое крепких ребят, одетых с подчеркнутым шиком.

– Ты у себя в Самаре гуляй, а у нас хороших людей не обижают.

– Да, я что, я ничего, только баба эта меня перед всем кабаком позорит.

– Переживешь. Это наш человек. – Кот взял его за плечо, толкнул и тот уселся на стул.

– Вот и ладушки. – Он повернулся к баронессе, – не прогонишь? Я к тебе на минутку присяду.

– Да хоть на весь день, Спирия, тебе мы всегда рады.

За одним из столов сидела компания молодых людей в кожаных куртках из дорогого хрома. На столе у них было все свое. Порезанный круг колбасы, сало, сыр и спирт.

У стены за тремя сдвинутыми столами сидела шумная актерская компания. Прелестные дамы и мужчины всех возрастов.

На столе – чашки с кофе, тарелочки с котлетами.

Актер с наружностью благородного отца ткнул вилкой в котлету.

– Други, котлетки-то из-под дуги.

Все захохотали.

Он подождал, пока его коллеги утихнут и продолжал:

– Их с водочкой вкушать надо.

– А где ее взять, – вздохнул молодой красавец актер.

– Пойду на промысел, – картинно взмахнул рукой благородный отец.

За столиком, почти у самого входа, сидели Анатолий Мариенгоф, Сергей Есенин, Николай Клюев и Олег Леонидов.

К столу подошел журналист Щелкунов, пожилой человек, знаменитый на всю Москву Книжник.

– Олег, – я достал, что ты просил, – он протянул Леонидову маленькую книжку, завернутую в газету.

– Ой, спасибо, Андрюша, милый ты мой, что я тебе обязан?

– Нет, – замахал руками Щелкунов, – никаких денег. Ты за это отдашь мне второе издание маркиза де Кюстина.

– Это же грабеж, – охнул Леонидов.

– Ну, как хочешь, – Щелкунов протянул руку.

– Нет, нет, – Леонидов закрыл книгу рукой, – согласен, кровопийца.

– Тогда я завтра к тебе зайду. Заодно принесу интересный материал о разграбленных библиотеках.

– Чудно. Жду после одиннадцати. Кстати, Андрюша, ты не знаешь, где Саша Гибер?

– Конечно, знаю. Он из газеты ушел в Кинокомитет. Стал кинооператором, пишет сценарии. Сейчас он в петровском парке на бывшей студии «Талдыкин и Ко», снимает бессмертную картину «Комбриг Иванов».

– Спасибо, Андрюша, огромное спасибо.

Леонидов развернул книгу.

– Иннокентий Анненский, – вслух прочитал Мариенгоф, – «Кипарисовый апрель». Олег, Неужели, ты читаешь эту чушь?

– Не только читаю, но и собираю, Толя.

– А кого ты из поэтов любишь?

Леонидов улыбнулся:

– Сережку люблю, всего люблю, когда плохо на душе, перечитываю, наизусть учу...

– Ах ты мой дружок дорогой, – Есенин обнял Леонидова, положил ему на плечо голову.

– Твои стихи, Толя, тоже люблю, но не все.

– А что именно, – наклонился через стол Мариенгоф.

– «Магдалину» люблю очень.

– У тебя хороший вкус, – довольно улыбнулся Мариенгоф, – а кого еще?

– Владимира Нарбута, Колю Гумилева покойного, жену его Горенко-Ахматову, Мандельштама...

На плечо Леонидова легла рука.

– А меня? – раздался зычный бас.

Олег поднял голову, вскочил.

За его спиной стоял Маяковский, с папиросой в углу рта.

Они обнялись.

– Конечно, люблю всю твою лирику.

– И на том спасибо.

– Ты будешь читать?

– Нет.

– Садись с нами.

Маяковский посмотрел на Есенина и засмеялся:

– Не бойся, Сережа, я по делу.

– А я и не боюсь, – задиристо ответил Есенин.

Маяковский подошел к столу, за которым гуляла компания в дорогой коже.

Навстречу ему из-за стола поднялся человек.

– Ну, что, Глеб? – спросил Маяковский.

– Все в порядке, Володя, извини, когда играли, не рассчитал.
Он протянул поэту деньги.
– Мой проигрыш. Садись с нами, выпей.
– Не могу, у меня через час игра. Серьезная.
Маяковский повернулся и пошел к выходу.
– Вот же устроилась сучка Лилька, – мотнул кудрявой головой Есенин, – с двух мужиков сосет.
– Один – поэт, второй – Брик, в ЧК хорошую зарплату и неплохой паек получает, – уточнил Мариенгоф.
– Да она сама чекистка, – Есенин оглядел стол, – а выпить нечего?
– Сейчас устроим. – Мариенгоф позвал официанта, зашептал ему в ухо.
Официант сначала отрицательно качал головой, потом улыбнулся, закивал утвердительно.
– Сейчас принесут, – довольно произнес Мариенгоф и оглядел друзей, небрежно улыбаясь.
– Кстати. Олег, – Мариенгоф сел, мы не закончили наш диспут. Значит, ты враг модернизма. А как ты относишься к Мейерхольду?
– Не понимаю и не люблю.
– А что же тебе нравится?
– Декорации на сцене, задники красивые. Нормальные актеры, произносящие нормально замечательные слова. Если увижу Мейерхольда, сам ему скажу. Не трогай классику. Пиши сам пьесы и пусть там на сцене произносят монологи верхом на верблюде.
– Правильно, Олежка, – Есенин стукнул кулаком по столу, – гад этот Мейерхольд, он у меня Зинку увел.
Красавец-актер Павел Массальский подошел к эстраде.
– Слушай друг, отдохни немного. А?
Поэт подавился непрочитанной строкой.
– Почему?
– Устали мы, давай лучше песню послушаем.
– Быдло! – Завизжала влюбленная девица, – мужичье!
– Возможно, – миролюбиво улыбнулся Массальский, – очень может быть, но пусть ваш друг отдохнет.
Поэт поправил галстук-веревку и пошел к столу.
– Таня! – крикнул Массальский, – просим.
Из-за стола встала красивая актриса, с гитарой.
Она поднялась на эстраду и запела.
Романс был грустный и незнакомый.
Актриса пела о тяжелом времени, о далекой Москве, о любви и тоске, ожидании встречи.
Кафе затихло. Грустная музыка, щемящий нежный голос актрисы плыл над столиками.
Леонидов слушал романс и видел Лену, аллею в Сокольническом парке, по которой они шли, удаляясь от трамвайных путей.
Актриса замолкла.
Зал взорвался аплодисментами:
– Браво!
– Спасибо!
– Еще!
– Молодец!
Двое в коже подошли к актерскому столу.

– Татьяна Сергеевна, – сказал Глеб. Он пристально посмотрел на актрису и усмехнулся. Недобро, со значением.

– Татьяна Сергеевна, господа артисты, вы украшаете нашу жизнь. У нас нет цветов, но примите от чистого сердца.

Он положил на стол круг колбасы и поставил две бутылки с темноватым напитком.

– Это, друзья, спирт. Чистейший ректификат, настоящий на рябине.

– Это лучшие цветы, которые я видел в жизни, – картинно повел рукой благородный отец. Спасибо вам, други.

В кафе появился молодой человек в новенькой темно-зеленой тужурке инженера путейца, на бархатных петлицах были видны следы срезанных знаков различия, остались только железнодорожные эмблемы.

Пальто с дорогим шалевым воротником было небрежно перекинуто через руку, частично закрывая плотно набитую сумку.

Баронесса увидела его и засмеялась:

– Сонечка, твой воздыхатель пришел.

Сонечка, красивая блондинка, замахала рукой.

– Сашенька!

Шикарный железнодорожник подошел, поцеловал дамам ручки, сел за стол.

– Скучно, скучно, – он окинул взглядом чашечки с кофе, пирожные местного производства.

– Что делать, наши угощения не для такого шикарного кавалера.

– Именно, – Сашенька достал из сумки две бутылки вина, высыпал на тарелку изюм, выложил на стол красивые красные яблоки.

– Господи, какая прелесть, – Соня поцеловала его в щеку, – откуда?

– Из далеких теплых краев.

– Шикарно живешь, Александр Дмитриевич.

Спиря Кот откупорил бутылки, разлил вино по бокалам. Пригубил.

– Батюшки, это же натуральный крымский портвейн. Сто лет его не пробовал.

Все выпили.

Сонечка обняла Сашу, тихонько вынула из сумочки футляр, открыла.

На бархате лежал сапфир в бриллиантовой оправе на плоской золотой цепочке.

– Богатая вещь и красивая, – Саша закрыл футляр.

– Я ее безумно хочу, – с придыханием прошептала Соня.

– Я же тебе совсем недавно бриллиантовый перстенок подарил.

– Когда это было – капризно ответила Соня.

– Александр Захарович, – вмешалась баронесса, – вы такой шикарный кавалер, торгуетесь с любимой женщиной.

– Сколько стоит эта красота?

Соня наклонилась и зашептала в ухо кавалеру.

– Ого. Неплохо, – покачал головой Саша, – у меня сейчас таких денег нет.

– Так заработать надо, – наклонилась к нему Баронесса.

– Как?

– Научу. Будешь богатым, очень богатым. Я вам завтра телефонирую на службу, сведу с хорошим человеком.

На эстраде вновь поэт читал нечто унылое.

Его никто не слушал, даже его друзья, которые пили дармовой разбавленный спирт.

Зазвенели шпоры. И в кафе появился Саблин, рядом с ним красивая, прекрасно одетая дама, сутулый человек в коричневом костюме и вездесущий адъютант.

Саблин увидел Есенина и Мариенгофа и пошел к ним, раскинув руки для объятия.

– Вот жизнь, – язвительно сказал Мариенгоф, – еще шесть лет назад командовал книжным складом у папаша, а теперь красный генерал.

– Более того, был наркомом на Украине, по-старому, министром, – усмехнулся Леонидов.

– Юрка!

Есенин обнял Саблина.

– Вот порадовал. Надолго в Москву? Ордена-то за что?

– Не знаю, это решают там, – он ткнул пальцем в потолок, а «Красное Знамя» за Кронштадт.

– Ну, давай садись и дружков своих зови.

– Друзья, – Саблин подошел к столу, – позвольте представить вам поэта, знаменитого боевика-террориста, одного из ответственных работников ЧК Якова Блюмкина.

Блюмкин подошел к столу. Сел без приглашения. Оглядел всех прищуренными глазами.

– Как же, как же, – мило улыбнулся Леонидов, – вы, мне помнится, убили германского посла Мирбаха...

– Я много кого убил.

– Неужели, – ахнул Есенин, ты кончил Мирбаха? Я помню, об этом много писали. А стихи считаешь?

– Я же поэт...

– Поэт расстрелов, – жестко сказал Леонидов.

– Да, все это было. Я вас помню, Леонидов, вы писали об убийстве Мирбаха, я одному вам дал интервью.

– Я помню и благодарен вам, сделал сенсацию.

– А сейчас я могу сделать так, что вы будете давать мне интервью в расстрельном подвале. Совсем недавно вас задержали в притоне и арестовали, но, к сожалению, выпустили. Так я могу тебя опять туда отправить.

– А ты меня не пугай. Меня охранка пугала, контрразведка штаба императорской армии пугала, а я не испугался, а эти люди были не тебе чета.

Блюмкин полез в карман, вытащил браунинг, положил его на стол.

Все замерли.

Их этого же кармана он достал пачку денег, попеременно советских и франков, потом вытащил массивный золотой портсигар, закурил.

– Я пошутил, Леонидов, пошутил.

– Я тоже пошутил.

– Испугался?

– Тебя? Нет. Мне на фронте за храбрость Георгия дали.

– Знаю, знаю, – Блюмкин в упор посмотрел на Леонидова, – мне известно, что ты на Кронштадт шел и пулям не кланялся, тебе орден хотели дать, но социальное происхождение подвело, поэтому наградили именным маузером. Где ствол, репортер?

– Я серебряную табличку снял, а маузер отдал в Уголовный розыск.

– Маузер! – ахнул Мариенгоф, – зачем?

– Чтобы от такой жизни не застрелиться. А если серьезно, я не люблю оружие.

– Вот и прекрасно, – засмеялся Саблин, – друзья, я пришел с любимой женщиной и другом к вам, моим дорогим людям. Свирский!

Адъютант подскочил.

– Неси.

Через несколько минут адъютант и шофер вдвоем внесли два ящика.

На столе появилось шампанское, коньяк, ликер и дорогие закуски.

– Друзья, давайте выпьем за встречу, давайте загуляем, как в старые добрые времена.

Он выстрелил пробкой шампанского.

Леонидов подошел к актерскому столу.

– Не приютите?

– Как же ты, Олежка, от такого изобилия сбежал? – засмеялся благородный отец, – от шустова и шампани за наш скудный стол.

Леонидов вынул из кармана бутылку спирта, поставил на стол.

– Моя доля в вашем пиршестве.

– Умница, дай я тебя расцелую.

Благородный отец обнял Леонидова.

– А я, друзья, к вам по делу.

– К нам? – удивился Массальский, – это что-то новое.

– Никак пьесу сочинил? – хлопнул Леонидова по плечу благородный отец, – о делах потом, сначала выпьем.

Все выпили спирт, даже дамы.

– Ну, вещай, что за дело?

– Я получил письмо от Лены Иратовой.

– С Юга? – спросила певица Татьяна.

– Да.

– Как она?

– Много снималась, кажется удачно. Талдыкин выхлопотал ей французский паспорт...

– Париж, – мечтательно сказал один из актеров.

– Она отказалась ехать.

– Дура, – ахнули актеры.

– Так какое дело? – спросил благородный отец.

– Она хочет вернуться к Таирову.

– Зачем? – вмешался Массальский, – Ленка Иратова – талантище. Мы поговорим с Константином Сергеевичем, он ее возьмет в МХТ. Приходи завтра часа в три в театр. Как раз у нас репетиция закончится.

– Олежка! – крикнул Есенин, возвращаясь скорее, мне без тебя грустно.

– Иду, – Леонидов выпил рюмку, – спасибо, друзья, вы хорошие люди.

Леонидов подошел к столу.

Блюмкин усадил его рядом с собой.

– Давай, Олег выпьем, станем друзьями. Кто мне друг, у того туз пик на руках.

– Давай, Яша, выпьем.

Лапшин

В пивной на Покровке по утреннему времени народу было немного. Александр Захарович Жуков, в богатом пальто, в пижонистой путейской фуражке вошел в зал.

Он брезгливо осмотрел пол, усыпанный опилками, грубые столы из обструганных досок, скамейки.

Жуков оглядел пивную и увидел, как из-за стола в углу кто-то машет ему рукой.

Он подошел.

Лапшин поднялся ему навстречу.

– Здравствуйте, Александр Захарович, позвольте представиться, меня зовут Сергей Петрович. Прошу садиться. – Лапшин махнул рукой.

Подскочил половой в грязноватой розовой рубахе.

– Чего изволите?

– Тебя как величать, братец?

– Павлом.

– Так вот, Павлуша, пива нам три бутылки. Вобла есть?

– Имеем.

– Настругай нам тарелочку, колбаски пожарь, чтобы сочная была, к ней картошечку кружочками и конечно чайничек, сам знаешь чего.

– Не держим.

– Ты меня, Павлуша, за фраера не держи, скажи Филимону, что для Сергея Петровича.

– Раз так, сделаем в лучшем виде.

Половой исчез.

– Сейчас закусим, как следует, о делах наших поговорим...

На столе появились три бутылки пива. Половой с треском выдернул пробки. Разлил.

– Ну, давайте пока пивка, – предложил Лапшин.

Они выпили.

– Александр Захарович, я человек прямой, знаю, вам нужны деньги, большая любовь требует немалых средств. Я вам их дам.

– За что? – Жуков поставил стакан на стол.

– Ваша контора занимается отправкой денег и ценностей по железным дорогам.

– Не только отправкой, но и приемом.

– Отлично. Я хочу знать, когда, каким поездом повезут ценности, в каком вагоне, в каком сейфе. И какая охрана.

– Всего-то? – улыбнулся Жуков.

– Именно за это вы получите немалые деньги и свою долю с дела. Кстати, можете дарить Сонечке украшение, я его оплатил авансом.

Лапшин положил на стол толстую пачку денег.

Жуков подавился пивом, закашлялся.

– Берите, это аванс.

– Послезавтра в Тамбов повезут сорок миллионов для выплаты зарплаты.

– Это интересно, но не главное, – Лапшин с усмешкой смотрел, как Жуков распахивает деньги по карманам. Бумажки мне не нужны. Только камни и золото.

– Значит, почтовый вагон отдам другим.

Вагон тряхнуло, и керосиновый фонарь под потолком закачался, причудливо ломая тени на стенах.

– Кашира.

Почтальон-инкассатор встал, подошел к раскаленной печке-буржуйке, на которой закипал медный с мятым боком чайник.

Он залил кипятком пестро раскрашенный заварочный чайник.

Накрыл его фуражкой.

– Пусть настоится. Я туда чабреца добавил. Духовитый чай будет.

Милиционер-охранник снял с полки узелок.

– Жена лепешек напекла, сахарин имеем.

Почтальон раскрыл старый баул.

– Мы тоже кое-что имеем. Свинину копченую к твоим лепешкам, да сахар-рафинад.

Вагон дернулся.

Почтальон чуть не уронил заварочный чайник.

– Тебе покрепче?

Он посмотрел на милиционера и увидел, как тот поднимает руку.

Почтарь обернулся.

В вагоне стояли четверо в масках с маузерами.

– Сидите тихо. Будете жить.

Человек в маске расстегнул кобуру у милиционера, забрал наган.

Второй взял инкассаторский мешок.

– Оревуар, мон ами, – засмеялся он и дернул стоп-кран.

Станция «Ожерелье»

На перроне станции «Ожерелье» горел один керосиновый фонарь.

Свет его постоянно выцветал в припозднившемся октябрьском рассвете.

На перроне стояли начальник станции «Ожерелье» – весьма немолодой человек в старой путевой шинели и фуражке с грязно-красным верхом, рядом с ним милицкий чин с двумя кружочками на рукавах шинели, и мрачный человек в темном полупальто из тяжелого материала.

– Утро, а инея на земле нет, – начальник станции зевнул. – Теплый октябрь.

– Ты бы, Илья Фомич, сказал бы своим, чтобы перрон подмели. Неудобно как-то. Все-ж станция узловая. – Милицкий начальник ткнул пальцем в гору опавших листьев.

– Скажу. Только народец-то распустился при новой власти... Вон колокол я сам чищу. Начну указывать, а они мне «...не при старом режиме мол»...

Вдали послышался гудок паровоза.

Из вагона вышли трое, направились к встречающим.

– Здравствуйте, товарищи. Я инспектор Центросыска Лапин, со мной субинспектор Карпов и инспектор Тыльнер из московской уголовно-розыскной милиции.

– Начальник линейного отдела Фролов, а это начальник станции и наш субинспектор розыска Оловянных. Может, закусим с дороги?

– Это потом, – ответил Лапин, – где милиционер и почтовый работник?

– На вокзале, ждут.

– А вагон?

– На запасных путях.

– Сделаем так. Тыльнер с Оловянным еще раз осмотрят вагон, а мы со свидетелями побеседуем.

Тыльнер и Оловянный пробирались на запасные пути.

– Ты, товарищ Тыльнер, – попросил Оловянный, – если что, указывай мне. Я про тебя слышал и даже в газете «Известия» читал. Сам-то я рабочий-депонец, вторую неделю как красным сыщиком числюсь. Но работать хочу, так что ты, товарищ, подучи меня маленько.

Они прошли к вагону с полустертой эмблемой почтового ведомства.

– Вот он, – сказал Оловянный.

Тыльнер зажег железнодорожный фонарь, осмотрел подножки и тамбур.

– Вроде ничего, пошел в вагон.

– Ох, и темнотища. Вы, товарищ Оловянный, зажгите, пожалуйста, все фонари.

Оловянный зажег свечи в кованых фонарях, и в вагоне стало светлее.

– Теперь давайте писать протокол осмотра места происшествия. Старый куда не годится.

– Писал как умел.

– Осмотр начинается от дверей, по часовой стрелке. Бумага и ручка есть? Прекрасно, чернила стоят на столе. Начинаем. Пишите, я диктовать буду.

Тыльнер огляделся.

– Готовы?

– Готов.

– Тысяча девятьсот двадцать второго года, двадцать восьмого числа, месяц октябрь. Протокол осмотра места происшествия. Я, субинспектор линейного отдела милиции Оловянный... Как Ваше имя отчество?

– Потап Иванович.

– Прекрасно. Значит, Оловянников П.И., на запасных путях станции Ожерелье, составил настоящий протокол осмотра почтового вагона. Осмотр производится в восемь двадцать утра, при искусственном освещении.

На станции, в комнате начальника инспектор Лапин допрашивал почтальона и милиционера.

– Что же ты сопротивления не оказал, Смагин?

– Так они дверь своим тройником открыли и стволы на нас.

– А цепочка на дверях была накинута?

– Товарищ начальник, а где вы их видели – цепочки, – вздохнул почтальон. – Их давно порезали.

– Так и запишем, – обрадовался Лапин, – цепочек не было.

– Нападавших сколько было?

– Четверо.

– Чем вооружены?

– У всех маузеры.

– Как выглядели?

– Роста приблизительно как Вы. В куртках, перешитых из солдатских шинелей, в фуражках военных.

– Один в папахе был, – поправил почтальон.

– Точно, у одного офицерская папаха была.

– Лица запомнили?

– Да они в масках были.

– В каких масках?

– Как в театре. Черные маски, прорези для глаз.

– Называли друг друга как-то. Клички, имена...

– Говорили они, но мы не поняли.

– По фене, что ли?

– Да нет, по-французски.

– Ты что, французский знаешь?

– Различить могу, но не понимаю.

– Так что же ты различил?

– Когда они уходили, один сказал: «Оревуар, мон ами».

– Точно?

– Как на духу.

Лапин поглядел на Карпова.

– Поздравляю, Миша, новая бандочка появилась. Аристократы, мать их.

– Так и зашифруем дело – «Аристократы», – зевнул Карпов.

В комнату вошел Тильнер и Оловянников.

– Вот протокол осмотра, – Тильнер положил бумагу перед Лапиным. – А теперь, граждане потерпевшие, чья это квитанция?

Милиционер взглянул, покачал головой.

– Первый раз вижу.

– Не моя, – сказал почтальон.

– Это квитанция на посылки в город Ярославль. Может ее кто обронил, когда вагон готовили к отправке, – Тильнер закурил.

– Нет, перед отходом поезда я вагон подметал, на полу ничего не было, я бы нашел, – покачал головой почтальон.

– Квитанция найдена у дверей вагона. Неужели повезло, – засмеялся Тильнер.

– Всякое бывает, – недоверчиво произнес Лапин. – Надо с Ярославлем связаться. Вот ты Жора тогда и займись этим.

– Где у вас связь? – спросил Тыльнер начальника милиции.

– Пошли.

В комнате линейного поста на столе стояли три аппарата.

– Средний, – ткнул пальцем Фролов в массивный аппарат, с двумя колокольчиками на корпусе. Тыльнер снял трубку.

– Барышня, здравствуйте, мне бы Ярославль... Жду... Жду.

Он сел на стул и оглядел комнату.

У входа на вешалке висли два брезентовых плаща, печка-буржуйка накалилась до красна, над столом портреты Ленина и Дзержинского.

На стене плакат с милицейской формой одежды, рядом с ним красноармеец штыком закалывал гидру контрреволюции.

В углу на стенде несколько фотографий разыскиваемых.

– Ярославль... Да, барышня, давайте мне уголовно-розыскную милицию... Что? Ах вот как... правильно, по-старому сыскную... Спасибо... Дежурный, это субинспектор Московской розыскной милиции Тыльнер. Здравствуйте... Спасибо... И вам не болеть... Как мне с начальником соединиться... Спасибо... Жду.

Тыльнер достал портсигар, предложил Фролову, они закурили.

– Здравствуйте, товарищ Андреанов. Вы получили ориентировку об ограблении почтового вагона... Прекрасно... К вам на городскую почту поступала посылка...

Симферополь – Москва

Поезд шел из Симферополя в Москву.

Когда-то вагон, в котором ехала Лена Иратова, был штабным – в нем располагался какой-то красный командир. Теперь его отдали кинематографистам, и в нем ехала в Москву группа Александр Разумного.

В вагоне, загораживая проход, стояли осветительные приборы, была даже маленькая лаборатория для экспресс проявки проб пленки. Комфортнее всех ехала съемочная аппаратура.

Лена Иратова устроилась с невыносимым комфортом. Ехала одна в целом купе. За окном бежала мимо Ченгарская степь, проплывали маленькие станции, разбитые войной, сломанные вагоны на запасных путях.

Раздался стук, дверь открылась, на пороге стоял оператор Миша Винклер.

– Леночка, пошли к столу. Все собрались, закусим, чем Бог послал.

– Сейчас, Мишенька, только в порядок себя приведу.

– Наводи красоту, мы ждем.

В бывшем штабном отсеке стоял стол, покрытый белой, грубого полотна украинской скатертью с петухами.

На ней расположилась бутылка с красным вином, разнокалиберные чашки и кружки, лежал белый хлеб, жареная баранина, фрукты-овощи, козий сыр.

– Друзья, – режиссер поднял стакан, – выпьем за то, что мы едем в Москву, выпьем за то, что мы хорошо поработали в Ялте и Симферополе, а также за нашу героиню Леночку Иратову.

– Подожди, Саша, – вскочил оператор Винклер, – говорят, что нет в жизни счастливым случайностей. А я говорю есть. Не обижайтесь, коллеги, и ты, Саша, и ты, Женя, Саша хороший режиссер, но он был бы мертв без Леночки. За нее, за нашу удачу!

Все загалдели, зачокались, выпили.

– Учтите, друзья, за половину дела не пьют, так что мы поднимаем бокалы за нашу актрису. Впереди зимние съемки.

Постепенно началось веселое полноценное застолье.

Анекдоты, воспоминания, смешные истории на съемках.

К Лене подсел художник Бауэр.

– Леночка, скажи честно старику, почему ты не уехала?

– Дмитрий Сергеевич, родной, конечно, я могла бы очутиться в Париже. Возможно, что со мной заключили бы контракт в театре, я же могу играть на французском. Возможно. Налейте мне вина. Спасибо... Но в Москве живет человек, которого я люблю, и это я поняла на Юге, в разлуке с ним. А потом я хочу вернуться к себе домой. Я со щемящей нежностью вспоминаю, как после репетиций прихожу в свою квартиру, шумит самовар, тетя накрывает стол для чая. Крепкий чай, малиновое варенье. А в окнах неяркое осеннее солнце. На паркете светлые полосы.

– Вы думаете, Леночка, что все это осталось в Москве?

– Не знаю, главное, что все это во мне неистребимо, как болезнь. Я возвращаюсь в прошлую жизнь...

– А вы уверены, что она будет такой же, как раньше? Грандиозный успех, поклонники, светские рауты, цветы?..

– Я слишком увлеклась всем этим. Бенефисы, дорогое ожерелье, бриллианты, трехкомнатный номер в гостинице «Люкс». Из окон Кремль, корзины цветов у дверей, лучшие роли в репертуаре. Все это казалось незыблемым, вечным. Любящий меня прекрасный человек, для которого я находила так мало времени.

– Я знаю, о ком Вы говорите. Я видел Олега перед отъездом. Он стал другим. Жесткий, но по-прежнему прекрасной души человек. Вы едете к нему?

– Да. Там, на этой земле, похожей на театральную декорацию, я вдруг поняла, как люблю его.

– Какое счастье, Леночка...

Художник не успел договорить.

Разлетелись стекла вагона, пули с противным визгом начали рвать стены.

– Ложись, – крикнул Винклер.

Он схватил две непотытые бутылки вина и рухнул на пол.

– Что это? – спросил актер Веденеев.

Он засел в угол, спасал потытые бутылки.

В салон вбежал начальник охраны поезда.

– Банда. Ложитесь.

Где-то совсем рядом ударил пулемет, застучали винтовочные выстрелы.

Начальник охраны опустил окно и начал стрелять из нагана.

– Бандюки, сволочи. Поезда грабят, но нас им не взять. Три вагона бойцов в Москву едут.

Поезд шел мимо перелеска, огрызаясь винтовочным и пулеметным огнем.

Ярославль

В зале выдачи посылок на Ярославском почтамте прилавок был вытерт до блеска.

Люди получали затянутые веревкой мешки с сургучовой печатью, коробки, обклеенные рогожей, фанерные ящики.

Круглые часы приближались к цифре шесть.

За московской посылкой никто не приходил.

К стойке подошла женщина в потертом бархатном пальто, с потраченной лисицей на плечах.

– Посылка из Москвы, – громко сказал почтовый служащий.

Тыльнер, Оловянников и молоденький агент местного розыска подошли к прилавку.

– От кого посылка? – спросил почтарь.

– От братца Спиридона Тихоновича Котова.

– Прошу.

На прилавок встал крупный фанерный ящик.

Женщина вынула из сумки брезентовый солдатский ремень с желтой гренадерской пряжкой, ловко обмотала ящик.

– Вы гражданка Котова? – подошел Тыльнер.

– Ну я, чего надо?

– Мы из милиции, пройдемте с нами.

– Зачем это?

– Порядок такой.

В кабинете Андриянова на столе стоял ящик, обтянутый полотном.

– Давайте-ка, товарищ Тыльнер, вскроем его.

Андриянов достал из стола австрийский штык.

– Нет, надо понятых позвать.

– Понятых, – передразнил Андриянов, – у вас в Москве все не как у людей.

– Порядок такой, – развел руками Тыльнер.

– Ну, как знаешь. Кликните там понятых, да Котову сюда.

Понятые сели на стулья, Оловянников приготовился писать протокол.

– Гражданка Котова, Вы утверждаете, что посылку эту Вам прислал родственник из Москвы. Назовите его фамилию и имя.

– Мой брат – Котов Спиридон Кондратьевич.

– Кто? – ахнул Тыльнер.

– Котов Спиридон Кондратьевич, – повторила задержанная.

– Вот это да. Ее брат, товарищ Андриянов, воровской Иван Спирька Кот.

– Да ну.

– Что в посылке?

– Не знаю.

– В присутствии понятых вскрываем посылку.

Тут-то и пригодился австрийский штык.

– Пиши, Оловянников, – Тыльнер достал из ящика шесть новеньких женских платьев.

– Смотрите, товарищи понятые, на них еще магазинные ценники «Дамский салон», «Кузнецкий мост». В цвет, товарищ Андриянов неделю назад они подломили этот замечательный магазин на Кузнецком мосту. Поедем в гости к Спиридону Котову, а сестричку его, товарищ Андриянов, задержите.

Москва. Гостиница «Метрополь»

Номер гостиницы «Метрополь», ныне Второго Дома Советов, пытался сохранить еще былую элегантность. Бронзовые бра на стенах, отделанных некогда шитым штофом, а нынче похожим на заплатанное дорогое платье.

Бронзовые полуобнаженные женщины держали в руках побитые хрустальные светильники.

Огромная люстра над потолком, порезанная и заплатанная кожаная мебель, белый рояль. Красный генерал Саблин принимал гостя. Они уже отобедали и пили кофе с ликером. Гостем был знаменитый некогда журналист, заведующий в свое время светской хроникой в редакции «Русского слова», Борис Борисович Штальберг.

– А Вы знаете, милый Юрочка, кто в восемнадцатом году стоял здесь постоем?

– Нет, Боренька.

– Сам Мамонт Дальский, один из вождей московских анархистов.

– Вождь анархистов, – иронично ответил Саблин, – наверное, великий актер, революцию воспринял как театральное действо, а себя возмнил новым Дантоном.

– Не скажите. Великий трагик неплохо устроился в этом кровавом бардаке. Его боевики экспроприировали целую кучу бриллиантов.

– И где они?

– Не ведомо. Мамонт погиб под трамваем и унес сию тайну.

– Так не бывает. Кто-то должен был знать.

Саблин разлил по рюмочкам тягучий ликер.

– Возможно, Вы и правы, – Штальберг пригубил рюмку, – Господи, как давно я не пил Бенедектин. Возможно, но как его найдешь. Для этого нужны люди знакомые с сыскным делом. К примеру, чекисты.

– Господи, – замахал руками Саблин, – такие страсти да к ночи.

– Да разве только Мамонт баловался камушками, мы с ним дружили, ни одну бутылку «Клико», «Мартелл», «Финь-Шампань» выпили за этим столом. А какая игра была?.. Боже, Боже мой...

Борис Борисович изобразил руками нечто необычайное.

– Имперялы, Петруши, Катеньки, франки просто текли по этому столу. Играли на женщин, на выстрел. Компания, в основном, была актерская, эти за стол не садились, правда, Вася Лушин из Художественного театра рискнул и стал богатым.

– Так кто же играл, – удивился Саблин.

– Тогда в городе развелось огромное количество всевозможных комиссаров. У них были мандаты, оружие, свои отряды. Они лечили публику от золотухи, грабили чище Емели Пугачева. Вот они-то и были основными игроками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.